

Ольга Вечная
ЭСКОРТНИЦА

Ольга Вечная

Эскортница

Серия «Порочная власть», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69004651

Аннотация

– Адель, милая, у нас тут проблема: другу надо настроение поднять. Невеста укатила без обратного билета, – Михаил отрывается от телефона и обращается к приятелям: – Брюнетку или блондинку?

– Брюнетку! – требует Степан. – Или блондинку. А двоих можно?

– Ади, у нас глаза разбежались. Что-то бы особенное для лучшего друга. О! А такие бывают?

Михаил возвращается к гостям:

– У них есть студентка юрфака, отличница. Чиста как слеза, в глазах ум, попа орех. Занималась балетом. Либо она, либо две блондинки. В паре девственница не работает. Стесняется, – ржет громко.

– Петь, ты лучше всего Артёма знаешь. Целку или двух?

– Студентку, – Петр делает движение рукой, дескать, гори всё огнем.

– Мы выбрали девицу, Ади. Там перевяжи ее бантом или в коробку посади, – хохот. – Да-да, подарочек же.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	60
Глава 9	67
Глава 10	73
Глава 11	80
Глава 12	90
Глава 13	95
Глава 14	101
Глава 15	108
Глава 16	116
Глава 17	124
Глава 18	137
Глава 19	146
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Ольга Вечная

Эскортница

Пролог

В вип-ложе ночного клуба приглушенное освещение. Музыка достаточно тихая для того, чтобы вести доверительные беседы, но при этом не настолько, чтобы проходящие мимо посторонние могли уловить даже обрывки фраз. Хотя откуда здесь взяться посторонним?

Трое мужчин в безукоризненных костюмах устроились на диванах, обсуждают дела. Алкоголь льется рекой. Голоса веселые, то и дело раздаются смешки или хохот.

– Товарищи бизнесмены, чиновники и прочие жулики, – пафосно начинает Михаил. Прерывается на глоток виски и продолжает: – А где, мать его, наша надежда и опора, его величество Артём Истомин? Ему кто-нибудь звонил?

Понимающие кивки из-за «опоры» и «величества».

– Так Артём в Москве, квартиру ищет. Ты не в курсе? Его перевели и повысили. Зазнается скоро, увидишь.

– Да ладно? Когда? Вот же сукин сын! Я два месяца в стране не был, а он уже свинтил! Про свадьбу в курсе, про отпуск – да. Про повышение – нет.

– Свадьба под большим вопросом: Маша утром укатила

в Милан.

– Откуда знаешь, Петь?

– Лично отвозил в аэропорт. Она была так зла, что лезть не стал, себе дороже. Визжала, что летит без обратного билета. Бабы! – Пётр закатывает глаза. – Да и кто я такой, чтобы мне хоть что-то объяснять, – добавляет с иронией.

– Действительно, кто ты? Подумаешь, бизнесмен, три яхты.

– Вообще-то одна. Маленькая. Вечно ты преувеличиваешь.

– Наш Артём, получается, один-одинешенек в Москве грустит перед собственным днем рождения?

– Получается, что так.

– Хм. Подарок ему надо сделать. Сюрприз.

В ходе беседы выясняется, что поддержать такого замечательного человека хочется всем, но поехать не может никто: работа, семьи, планы. Люди взрослые, занятые, так легко в середине недели не сорваться.

– Есть у меня идейка. Щас, погодь. – Михаил достает телефон, набирает номер. Минуту слушает гудки. – Адель, милая, не побеспокоил? – Смеется. – Да нет, я в Питере, пока не собираюсь в гости... Соскучился, конечно. Адель, у нас тут проблема. Другу надо настроение поднять... А-ха-ха, да, во всех смыслах. Невеста укатила без обратного билета. – Михаил вновь смеется и обращается к присутствующим: – Брюнетку или блондинку, парни?

– Брюнетку! – требует Степан. – Или блондинку. А двоих можно?

– Артём тебя убьёт, – цедит Пётр. – В прямом смысле. Михай, заканчивай, идея дрянь.

– Тихо. Адель, у нас глаза разбежались. Вес, рост, цвет волос... Стопэ, ты же знаешь, я на слух не воспринимаю, мне щупать надо. Бляха-муха, нам бы что-то особенное. Для лучшего друга, крайне влиятельного человека. Чтобы ему понравилось, нужен алмаз. И разумеется, полная анонимность... Да, я поэтому тебе и позвонил... Что?.. О. А такие есть? Хрена себе, хоть сам лети.

Михаил обращается к друзьям:

– У них есть студентка юрфака, отличница. Чиста как слеза, в глазах ум, попа орех. Занималась балетом. – Бросает взгляд на Степана. – Брюнетка, девятнадцать лет. Либо она, либо две блондинки. Надо выбрать. В паре девственница не работает. Стесняется, – ржет громко.

Степан крепко задумывается. Разводит руками.

– Не знаю! Хоть разрывайся.

– Петь, твое мнение? Целку или двух? Ты лучше всего Артёма знаешь.

– Поэтому я и говорю, что никого! Блть, Мих, я его Машку увозил утром в аэропорт! Какие шлюхи?

– Машка в Милане, это далеко. Силком ее туда не тащили. Итак? Быстрее.

– Студентку. – Пётр делает движение рукой, дескать, гори

всё огнем.

– Мы выбрали целку, Адик... Да, на завтра... Адрес скину, ага. Там перевяжи ее бантом или в коробку посади. – Хотот. – Да-да, подарочек же.

Михаил сбрасывает вызов и выглядит довольным.

– Артём нам бошки открутит. Мать твою, Мих, ты реально собрался притащить к нему домой шлюху? Ты вообще в курсе, чем он сейчас занимается? – Пётр касается пальцами лба и качает головой.

Он яхточку свою заимел не без помощи Артёма и ссориться желает меньше всего на свете.

– Расслабься. Адель – профи, у нее элитные девочки. На них не написано, чем промышляют. Стоят, правда, как крыло самолета. Ну что, скидываемся?

– Я за, – поддакивает Степан. – Петь, угомонись, будто первый раз. Никто не узнает.

– У Адель всё четко. Ее красавицы – чистый кайф. Всё делают по высшему разряду. Ты царь и бог. Царь и бох, вообрази на минуту. О, звонят.

Михаил вдруг подбирается. Вновь прижимает телефон к уху.

– Артём, привет пламенный! Как раз о тебе говорим, ты как чуешь, мать твою! – Нервно хохочет. – Да, контроль, помню. Ты у нас по части контроля. Говорят, не проставился за повышение и умотал. Как так-то?.. А скинь-ка мне адрес, где остановился. Хочу посылку на днюху отправить.

Глава 1

Алина

Я вытираю капли пота со лба и перехожу на медленный бег. Подставляю лицо весеннему солнышку, впитывая тепло каждой клеткой. Та-ак соскучилась! Несмотря на конец мая, пробежка в парке все еще причиняет неудобства: кругом лужи, слякоть, да и ветер то и дело заставляет замереть и поежиться.

Но это лучше, чем зимой. На фитнес денег пока нет, поэтому я занимаюсь спортом прямо на улице. Не могу жить без физических нагрузок.

Позади раздается громкий смех подруги.

– Ага! Выдохлась?!

Наира звонко припечатывает пятерней по моей заднице и устремляется вперед. Я широко улыбаюсь и догоняю. Некоторое время мы бежим ровно, затем останавливаемся у турников и начинаем растягиваться.

– Расскажи подробнее про ту женщину, – начинаю изда-лека.

Слова даются с трудом, что для меня редкость. Я вовсе не нежный цветок, учусь на юрфаке, планирую стать успеш-

ным адвокатом. Бескомпромиссным, где необходимо – жестким. Неженок среди коллег нет. Конкурировать с мужчинами непросто, это их территория. Недаром слова «адвокат», «судья», да и «юрист» – мужского рода. И мы, женщины, все еще доказываем свое право находиться среди них. Действовать на равных.

Получить образование – моя мечта и цель.

На что ты готова ради мечты? Я – на многое.

И все же далеко не на всё. Отвожу глаза.

– Какую женщину? – Наира закидывает ногу на турник и тянется к ступне. – Помоги-ка.

Я наваливаюсь на подругу, заставляя ее наклониться сильнее, пока не слышу возмущенный писк. Затем повторяю стойку. Мурлычу, почувствовав, как приятно тянутся связки. Мазохистское удовольствие. Наира нажимает на спину, я шиплю, максимально расслабившись. Пробегаящие мимо парни свистят, но мы демонстративно игнорируем.

– Аш-ш! – тяну. – С которой работаешь, Наир. Ну иногда. Ночами, – понижаю голос.

– Ты про Адель, моего менеджера? – уточняет Наира привычно громко, не скрываясь. Давит сильнее.

Я зажмуриваюсь и снова шиплю.

– Да. Про нее.

Менеджер. Новое слово для обозначения старой должности «сутенер». Мы ж не в девяностых, это не криминальная драма. Все должно быть славно и симпатично.

– Что тебе сказать? По телику показывают дичь, в жизни всё совсем по-другому. Адель – приятная женщина. Можно сказать, настоящая подруга. Ей немного за сорок, выглядит исключительно. Внимательная, щедрая. Заботливая. На нее можно положиться. Помнишь, я болела этим модным вирусом месяц назад? Который от китайцев пришел. Она лично нашла врача, оплатила лечение, ни копейки потом не взяла. Не знаю, что бы я без нее делала. Адель – это семья. Давай другую ногу.

Я меняю позицию. Пытаюсь расслабиться, но дело или в правой ноге, которая всегда давалась сложнее, или в возмущении, что испытываю... Боль лишь усиливается. «Настоящая подруга»? Seriously?!

– Получается, она сама находит тебе... эм, клиентов?

– Да. Всегда. Если заключаешь договор, то за ее спиной нельзя. Узнает – вышвырнет. Адель обычно пишет, когда и кто. Предпочтения. Забирает сорок процентов.

– Немало, – фыркаю.

Наира наконец оставляет меня в покое и приступает к наклонам.

– Иначе опасно, Алин. С виду мужчины могут казаться безобидными, а как за закрытой дверью окажешься – хоть в окно сигай. Были случаи у девочек. – Наира хмурится, я по инерции следом. – С Адель – никогда. У нее база проверенная, только по рекомендациям. Сплошь бизнесмены, чиновники, судьи. Полная анонимность что с их, что с нашей

стороны. Проблемы никому не нужны.

– Ясно.

– Надумала?

– Я? Не-ет.

– Шестьдесят процентов – отличные деньги. Мужчины нашего уровня щедрые. Я соглашаюсь минимум на два часа, но чаще всего сам секс длится минут пятнадцать. Остальное время мы пьем вино, разговариваем. Счет на них, разумеется. Иногда они убегают по делам сразу после. Халява.

– Не понимаю, зачем столько бабла тратить на секс! Его же везде полно! Начни встречаться с девушкой. Вряд ли у богатых козлов дефицит поклонниц. Хоть шестьдесят им, хоть восемьдесят.

– Дефицита нет, Алька. Но сама понимаешь, встречаться с двадцатилетней девчонкой втайне от жены решится не каждый мужчина. Легко нарваться на неадекватную. Эти дядечки приходят к нам за эмоциями, которые в их возрасте и при адовом темпе работы бесценны. Всё намного сложнее. Интереснее. Дело там даже не в самом сексе.

Во рту резко пересыхает, и я делаю глоток воды из бутылки. Потом еще один.

– Я про тебя скажу Адель, вы встретитесь, поужинаете. Ничего больше. Не понравится – уйдешь в любой момент. Тут никто никого не держит.

– Ты тоже можешь уйти?

– Конечно. Когда захочу. Я так и сделаю через год, вот

только куплю квартиру.

– В Москве?

– Ну не в моем же Зажопинске! – прыскает Наира.

Мы понимающе переглядываемся.

Наира из какого-то поселка в Казахстане. Высокая красивая девушка. Примерно год назад мы совершенно случайно оказались в одном плацкартном вагоне, когда ехали поступать, и разговорились. Понравились друг другу. Кроме нее у меня в Москве только дядя по матери. А у Наиры... судя по всему, лишь менеджер.

– Как ты вообще нашла эту Адель? Или она нашла тебя?

– Я работала промоутером на косметике, идеально подобрала ей помаду. Адель сказала, что я могу зарабатывать больше, и оставила номер телефона. Ты же знаешь, родители не присылают ни копейки, ждут, что я буду помогать со стипендии. – Она мрачнеет. – Я бы, может, и помогала, но отец пропьет. Заработаю денег и заберу мать с сестрой сюда. Это будет весомее.

– Они же не знают?..

– Нет, разумеется! И не узнают. Только ты знаешь и Ади. Еще пара лет, и я завяжу с этим. Пойду работать по специальности, найду мужа, рожу детей. Это все временно.

– Конечно, – соглашаюсь я, не заостряя внимание на том, что еще минуту назад Наира говорила об одном годе работы. Откуда-то взялся и второй.

Качаю головой. Не то чтобы я ждала от секса чего-то вос-

хитительного. У меня был парень, с которым мы пробовали несколько раз, но было настолько больно, что я останавливала, едва он начинал, хм, процесс. Даже и не знаю, формально я девственница или нет. Потом мы поссорились. Чуть позже расстались.

Смогла бы я перетерпеть боль и дискомфорт за деньги? Категорическое – нет. На самые отчаянные подвиги мы, девушки, решаемся исключительно по любви.

Я столько сил потратила, чтобы получить высокие баллы и золотую медаль, а потом поступить в один из лучших вузов страны. Сдавала на отлично экзамен за экзаменом. Трудилась в поте лица, чтобы стать кем-то. И уж точно не для того, чтобы торговать телом.

– Так что? Я встречаюсь с Адель завтра в обед, упомянуть тебя?

– Не нужно. Я изучаю Уголовный кодекс и знаю, что это противозаконно. А спрашиваю, потому что за тебя беспокоюсь.

Наира смеется.

– Вы, юристы, нужны не для того, чтобы знать законы. Зазубрить способен любой дурак. Вы должны помогать простым людям эти законы обходить!

Тоже смеюсь.

– Я буду честной. Крутой. С идеальной прической, в костюме. На шпильках. Буду заходить в здание арбитража, как к себе домой. Прошлое шлюхи точно ни к чему. Ой! –

спохватываюсь. – Ты только не принимай на свой счет.

– Алиночка, успокойся, у меня нет комплексов. Я не какая-то там дешевая шалава. Мои клиенты – известные мужчины, которые платят за то, чтобы ко мне прикасаться. Ты же чуть не сделала это за бутылку пива!

– Эй! Я вообще-то любила Динара! И то, что он угостил меня пивом, не значит, что купил!

– Я тоже всех люблю! Просто обожаю! Завтра бежим?

– Я бы с радостью, но у меня собеседование в юридической фирме «Осадчий и партнеры». Мечтаю попасть туда на летнюю практику.

– Это круто?

– Очень! Хотя шансов мало. Думаю, они равняются нулю, учитывая, что я пока никто.

– Тут ключевое слово «пока».

– Да, именно. Опыт будет хороший. Подышу с ними одним воздухом, напитаюсь умом. Поглазею. И... ты не против, если я надену тот твой брючный костюм? – Свожу брови вместе. – Буквально на пару часов.

Наира упирает руки в бока, хмурится. А затем смягчается и смеется:

– Конечно, можно, моя честная «не шлюха»! Тетя Наира поможет и одолжит одежду, купленную на грязные деньги. Тетя Наира насосала!

– Перестань! – смеюсь я, тоже развеселившись. – Я так не думаю.

– Знаю. Давай уже заканчивать и ко мне! Устроим показ мод.

Глава 2

В кабинете довольно прохладно, я зябко потираю плечи и ежусь. Зубы стучат, мышцы сокращаются в попытке согреть тело. Борюсь с собой, опасаясь показаться невежливой. Дверь резко распахивается, заходит мужчина. Я вижу крупный силуэт, но лицо остается в тени. Тут же вскакиваю и представляюсь:

– Драгунская Алина Мирославовна. Добрый день. Я жду Андрея Евгеньевича, я его новый ассистент.

Пульс частит. Андрей Евгеньевич Осадчий – мой абсолютный кумир, я со школы мечтала попасть в его юридическую фирму. Обычный человек из простой семьи учителей, как и я. Он добился невероятных высот уже к тридцати. Я об стенку разобьюсь, но сделаю так же.

– Привет, Алина. Знаешь, в чем будут заключаться твои обязанности?

Распечатка, сканирование, разбор доков по папкам?

– Да, вполне.

– Это хорошо. Раздевайся.

– Что?

– Глухая? Или ты думала, будто способна на что-то большее? Снимай платье или выметайся отсюда.

Швыряет в пот, тело покрывается ледяной испариной. Я тянусь к молнии на платье, пронзает дикий страх. Открываю

глаза в полной темноте и пялюсь в черноту. Холодно. Трясет от холода! Где одеяло? Никак не могу нащупать.

Это ж надо такому присниться! Бедный мой разум. Видимо, сказалось нервное перенапряжение: прошлый вечер с Наирой, ее истории из жизни наложились на утреннее собеседование в юридической фирме, где все прошло быстро и банально: я переговорила с помощницей Осадчего, оставила контакты и ушла, находясь в полном восхищении от здания и атмосферы в его стенах. Самого Андрея Евгеньевича не видела, разумеется. Меня дальше приемной не пустили. А тут такое! «Раздевайся».

Треш.

Но как же некомфортно! Неужели я от страха настолько вспотела? Трогаю простыни – они мокрые и ледяные. Натурально мокрые. Соскакиваю с койки и включаю свет: Вера и Соня делают вид, что крепко спят. Трясет. Отопление в городе выключили еще на той неделе, и в комнате дубак. Одеядло валяется в дальнем углу.

Матрас пропитался насквозь.

Меня опять облили во сне.

Слезы наворачиваются. Время – полночь, обычно я рано встаю и рано ложусь. Сплю крепко как сурок. Створка моего шкафчика закрыта неплотно. Сердце рвется.

– Алина, выключи свет! Сколько можно издеваться?! – жалуется Вера, невинно потягиваясь. – Я жалобу на тебя накатаю!

Я кидаюсь к шкафу, открываю, щупаю ткань дико дорогого костюма, что взяла у Наиры. Черные пиджак и брюки в белых мокрых разводах.

Накатывает отчаяние.

– Боже, за что? А если с вами так?

Решительно открываю соседний шкаф, чтобы так же испортить их одежду, но соседки махом спохватываются. Соскакивают с кроватей и вдвоем кидаются на меня.

Через час я сижу в комнате коменданта и потираю исцарапанные плечи и шею. Голова трещит, они мне чуть волосы не проредили.

Глубокая ночь. Это не первая наша стычка. На второй неделе учебы меня связали простынями и разрисовали лицо маркером. Тогда я допустила ошибку – пожаловалась. С тех пор меня невзлюбили. А второго шанса произвести первое впечатление не бывает.

Комендант врывается в кабинет и падает в скрипящее кресло.

– Драгунская, что опять?

Он устал, хочет спать и злится. Кажется, мы перебудили всю секцию.

– Лев Леонидович, переселите меня в другую комнату, – шепчу я. Моргаю. Добавляю с жаром: – Лев Леонидович, переселите, пожалуйста! Хоть к кому. Хоть к пацанам, блин. Мне по фигу уже. Не могу больше.

Старшекурсницы и лучшие подружки не обрадовались,

когда к ним в комнату отправили третью. Началась травля. То спать не дают перед экзаменами, то конспекты испортят, листы повыдирают тайком, я перечитываю и понять ничего не могу. То продукты выбросят или пересолят так, что невозможно есть. Обычно я справлялась. Но сегодня нервы сдали, сессия усилила восприятие.

– Куда я тебя переселю? Битком всё! Ты новенькая, постарайся найти общий язык с более старшими девочками. Подружись.

– Я пыталась!

– Алин, ты ведь сама все понимаешь. Я и так пошел навстречу и подселил тебя в комнату, рассчитанную на двоих. Место тебе не положено. Я сжалился, а ты словно не ценишь.

Краснею.

– Я благодарна вам, но...

– Ты учишься на коммерции. Если можешь позволить себе платить за учебу такие деньжища, то и на жилье должно хватать.

Качаю головой.

– Алин, постарайся больше не привлекать внимания. Дойдет до деканата, мне сделают выговор, что пустил нелегала. Ты вылетишь из общаги быстрее, чем в ладоши хлопнешь. Без шансов на возвращение.

– Я поняла. Простите.

Поднимаюсь с места и выхожу в коридор.

В комнате по-прежнему холодно. Закрываю форточку, пе-

реворачиваю матрас, перестилаю простыни.

– Алин, всё нормально? – Егор чуть приоткрывает дверь, но зайти не решается. Широко зевает.

Он неплохой парень, предлагал прогуляться пару раз. Но после опыта с Динаром я предпочитаю не заводить интрижки там, где живу.

– Норм, спасибо за беспокойство.

– Они опять херней маются? Дуры.

Быстро качаю головой. Глаза режет, нос щиплет, но плакать я не стану. Не дождутся. Всхлипываю и хмурюсь. Андрей Евгеньевич – не тот, что из моего сна, а нормальный – в одном из интервью сказал, что нельзя показывать слабость. Особенно тем, кто сильнее.

– Если хочешь, приходи к нам ночевать. Ромки нет, он будет не против, если займешь его койку.

Кусаю губу.

– Спасибо. У меня всё в порядке.

Осталось немного. Закрою эту сессию и переведусь на бюджет – места появились, я уже узнавала. Получу законную койку в общежитии!

Все равно, блин, мокро. Двигаюсь на самый краешек. У Наиры прекрасная квартира. Было бы удобно снимать с ней вместе. Я улыбаюсь, вспоминая, как прошлым вечером мы дегустировали шампанское и дефилировали по очереди в ее платьях. Фотографировались. Открываю в телефоне галерею, листаю. Красиво вышло. Наира шутила, что с такими

глазами и губами я была бы нарасхват.

Нервно хихикаю.

Интересный она человек, конечно. Позитивный. И онлайн в два часа ночи. Пишу просто так, на всякий случай:

«Наир, а сколько ты платишь за квартиру?»

«Что, опять? Приезжай ко мне прямо сейчас».

Глава 3

Вдох-выдох. Я чувствую, что бледнею. Страшно.

Девчонки хлопают по плечам.

– Алинка, давай! Удовлетвори старика полностью.

Пробивает смех. Дурочки. Парни смущаются, они у нас те еще скромняги. Глаза отводят. Нервишки шалят у всех: сдать историю государства и права профессору Савченко сложнее, чем выбиться в космонавты. О его предвзятости ходят легенды. Пока стоим в коридоре, о чем только не трещим.

Что ж, пошла!

Открываю дверь и попадаю в огромную аудиторию. Профессор предпочитает принимать экзамены строго по одному. Ответы устные. Ни шанса списать.

– Драгунская Алина, – вежливо представляюсь я и присаживаюсь за стол, готовая тянуть билет.

Волнение адреналином горячит кровь, достигает максимума, а затем исчезает, лопнув, как мыльный пузырь.

Оно больше не уместно. Время действовать.

Савченко протягивает зачетку:

– Свободна.

– Что? – не понимаю.

Он вздыхает. Складывает руки перед собой и объясняет будто нехотя:

– Я знаю, что вы готовы. Вы знаете, что я знаю, что вы готовы. Предлагаю нам обоим не тратить время, а заняться своими делами.

Я хмурюсь. С места не двигаюсь. Чувствую подвох. Дрожащей рукой беру зачетку, открываю.

Савченко хрипло смеется.

– Нравится мне ваше упорство, Драгунская. Серьезность на грани фола. Но иногда стоит просто поблагодарить за доверие. Не все в этом мире хотят вас подловить или подставить.

Там высший балл. Вот теперь улыбка касается губ, я все еще запрещаю себе радоваться, но сердечко вновь пускается вскачь.

– Спасибо! Спасибо вам огромное! Тогда я иду деканат. Если меня переведут на бесплатное, то увидимся в сентябре. Тьфу-тьфу-тьфу. – Стучу по столу.

– Увидимся. Это пятый или шестой автомат за мою карьеру. – Савченко повышает голос: – Не вздумайте подвести меня, девушка. Например, влюбиться и выскочить замуж за предстоящее лето. Дал же Боженька внешность. К сожалению.

– Не в ближайшие годы! – Я поднимаюсь на ноги и напоследок делюсь: – Мне позвонили из юридической фирмы Осадчего, предложили подработку после зимней сессии. Представляете? – Пританцовываю на месте.

– Осадчий? Аплодисменты, Драгунская!

Я хлопаю в ладоши, делаю эффектный пируэт по всем балетным правилам и, осознав, что переборщила, изрядно смущаюсь. Прошу прощения, рассыпаюсь в благодарностях и поспешно покидаю аудиторию. Прижимаю к сердцу зачетку, выбегаю в коридор и обнимаю девчонок. Буквально падаю в объятия! Нервы сдают, плачу. Не верю, не верю!

– Что там у нее? – Подруги отбирают, смотрят. – Сдала! Сдала! Чего ревешь-то, глупая?!

Волнение возвращается, теперь оно приятное.

Первым делом пишу маме: «Сдала на пять».

Я сумасшедшая. Два года назад закончила школу и поступила в местный вуз. Дедуля подарил машину, чтобы ездить в универ. Но, проучившись пару месяцев, я поняла, что это не то, о чем мечтаю. Бросила. Поехала на юг работать барменом, накопила денег, продала дедулину старую «Волгу», оплатила первый год учебы. Не хватило двух баллов до бюджета. Цена этим баллам – все, что у меня было. Даже больше: подарок любимого дедушки.

Через три часа мы с девчонками закрываем сессию, и я пишу заявление на перевод. Впереди грандиозные планы – сон и поход в ночной клуб.

Выходим на улицу, я делаю несколько шагов в сторону широченной дороги и застываю.

– Алин, там нет перехода! Ты куда?

– Сейчас! Минуту. Идите, я догоню.

Вновь смотрю на трассу. Развожу руки в стороны, дико-

вато, безумно-возбужденно улыбаюсь. Машины снуют с бешеной скоростью. Взгляд приклеивается к строптивому порше, пролетающему мимо. Вау! Обдувает горячим сухим воздухом. В ушах стоит приятный гул мегаполиса. У всех этих людей важные дела. Бизнес. Деньги. Любовь.

Что ж, столица. Я Алина Драгунская, я существую. И я остаюсь здесь.

Утром просыпаюсь с дикой головной болью. Что-то невообразимое. Больше никогда, ни за что, никаких коктейлей!

Погуляли, правда, славно. Танцевали половину ночи! Потом Наира подъехала, и мы переместились в ночную забегаловку, где пили кофе и болтали до утра обо всем на свете. В основном, конечно, о сексе. И о мужчинах, симпатичных и не очень. Богатых и бедных. Опасных.

В общежитии атмосфера значительно комфортнее: последние две недели я живу в другой комнате. Проситься было неудобно, но вариантов не осталось, и я решилась. Поняли, посочувствовали. Тайком от коменданта взяли четвертой. Девчонки собираются на экзамен, разговаривают вполголоса, чтобы меня не тревожить. Мысленно желаю им крепкого здоровья и долгих лет жизни. София и Вера бы спецом врубили «Металлику» на полную, чтобы обеспечить соседке «счастливое» похмелье.

Переворачиваюсь на живот и зарываюсь лицом в подушку. Улыбаюсь. Один очень симпатичный парень взял мой но-

мер телефона. Кстати, о нем! Проверяю мобильный – есть сообщение! Класс!

Еще парочка от родителей, с поздравлениями. От брата, его жены. Тети... Отлично. И пропущенный из деканата.

Я резко сажусь, чуть не перевернув несчастную раскладушку! Ладони потеют. Так быстро готов ответ?

Галопом в душ, потом чистить зубы. Причесываюсь. Хочу переодеться, а то несолидно, но сотовый вновь вибрирует.

«Деканат».

Ох. Мысленно я призываю себя к спокойствию. Как есть, в полотенце на голое тело, принимаю звонок.

– Да?

– Алина Мирославовна Драгунская?

Сердце колотится.

– Да-да. Это Алина, то есть я Алина. Слушаю вас.

– Деканат. Мы рассмотрели вашу заявку по переводу на бюджетную форму обучения...

А дальше происходят странные вещи. Секретарь продолжает говорить как обычно, это что-то с моими барабанными перепонками приключается. Смысл с трудом пробивается сквозь слои отрицания и протеста.

– Как нет мест? Они же были еще вчера, я узнавала, – начинаю спорить.

– Увы. Не расстраивайтесь, вы теперь первая в очереди. После зимней сессии будут все шансы... Она сложная... частые отчисления... продолжайте так же стараться... все по-

лучится... увидимся в сентябре.

Бормочу что-то сдавленно. Какое-то «спасибо» жалкое или что-то в этом роде. Спорить бессмысленно. Хлопает дверь – соседки ушли на экзамен. Я остаюсь одна. Пялюсь в одну точку. Под ногами пол трескается, я делаю последний в жизни вдох и проваливаюсь под лед.

Прямо в ледяную воду отчаяния.

Захлебываюсь. Остываю. Не существую.

Так не бывает. После прошлой сессии освободились места. Декан лично сказал, что нужны пятерки. Я всё сделала правильно. У меня нет пропусков. Как и денег. Ни копейки.

Представляю, как забираю документы. Глаза бегают. Результаты ЕГЭ больше не действуют, и пересдать уже не успеваю. Придется возвращаться домой к родителям. Вновь учить, терять еще один год. Работать в баре. Все с самого начала.

Вдох – и я захлебываюсь пониманием, что, если так сделаю, Москва даже не заметит. Никто не заметит пропажи девчонки из провинции. Может быть, Савченко цокнет языком, на этом всё.

Телефон начинает пищать. Там вереница фоточек со вчерашнего дня, где мы отмечаем.

Девчонки останутся и продолжат учиться.

А я вернусь на исходную. Руки дрожат.

Быстро вытираю щеки. Колбасит. Мне нужна новая идея. Какой-то план Б. Остаться работать в Москве, допустим,

официанткой. Копить деньги. Какое там! Хотя бы на жильё зарабатывать! Пытаться копить. Но не ехать домой.

Зимой меня ждут в компании Осадчего!

Эта мысль ножом врезается в спину. Я опускаю руки, прекращая сопротивление. И падаю на дно.

Прижимаю ладонь к груди. Воздуха не хватает, пульс на разрыв долбит. Я лежу на дне. Меня окутывает ил.

Второго шанса может не быть.

Больно. Так больно! Давным-давно в своей жизни я надеюсь только на одного человека – себя саму. Тому есть причины, и менять я ничего не собираюсь.

Но сегодня понадобится помощь еще кое-кого. Беру трубку и ищу в списке заветный номер.

Глава 4

– Алле, мам? – Голос немного дрожит.

Первым делом я звоню своему самому близкому человеку. Это происходит на автомате, когда возникает сильнейшая потребность в защите. После той ссоры мы значительно меньше общаемся, но именно сейчас я хочу признаться, что тоскую. Часто. Каждый день.

Мама-мамочка-любимая, помоги. *Не одолжишь пару сотен до лучших времен?*

Быстро качаю головой. Никогда так не скажу. Просто хочется услышать родной голос.

– Алин, ты плачешь? – пугается мама. – Девочка моя, тебя обидели?

– Нет, всё хорошо! – Быстро вытираю щеки. – Просто соскучилась.

– Будь предельно осторожна, Москва – грязный, развратный город. Я каждый день молюсь, чтобы тебя не коснулась беда. Каждый день обращаюсь к Христу, дабы дал тебе мудрости, терпения, воли противостоять искушению. Вразумил и направил на путь истинный.

– Разврат повсюду, мам, укрыться от него нельзя и на краю света, – выдаю с легкой горечью.

Однажды я застучала отца за изменой. Моего идеального, любимого, обожаемого отца. И никому ничего не сказала.

Родители вместе с шестнадцатью лет, в нашей общине они образец для подражания. До того дня я мечтала жить так же. Теперь знаю, что долгие браки держатся на женском терпении, как на фундаменте.

– Дьявол нас искушает, но спасение внутри каждого. Ты взяла билеты домой? Только не говори, что на все лето в Москве останешься! Папа не переживет. Мы так ждем тебя, милая.

Улыбаюсь – меня ждут. Мама между тем продолжает:

– У нас, кстати, новости есть! Наша Женя беременна.

– Поздравляю! Классно.

Женя – супруга моего старшего брата.

– Да, мы так счастливы! Дима просил тебе не говорить, сам расскажет. Так что сделай вид, будто не знаешь. Алин, и я тоже.

На мгновение теряю дар речи.

– О. Ты? Мамуля, вот это да! Значит, у вас все хорошо с папой? Помирились?

– Да, ребеночек не в первый раз сплотит наш брак и поможет пережить то, что случилось. Мужчина всегда возвращается к чистой женщине, а грязные остаются в своем болоте. Это наша семейная мудрость.

Это будет девятый. Девятый ребенок. Я вторая. Сколько еще спасений понадобится? Родителям всего по сорок. Мама продолжает:

– Мы уже решили, что ремонт сделаем! С Женей сроки

почти совпадают, представляешь? Дай бог, все сложится. Так тебя не хватает, милая. Ты моя умничка, когда жила с нами – я же горя не знала! Малыши присмотрены, обед приготовлен. Но у каждого свой путь, я только за образование. Тем более учеба бесплатная.

– Да. Верно.

– Вот и Дима! Да сказала я ей, сказала! – смеется мама. – Держи трубку.

– Але, систер! – Веселый голос брата заставляет приятно сжаться сердце.

Я обожаю этого парня!

– Ничего не знаю! Ничего не вижу! Ничего никому не скажу! – тараторю и хохочу. – Поздравляю, Дим! Какие новости! Я рада, что у вас наладилось.

– Ага, пока ты там дурию маешься, мы занимаемся тем, чем положено в нашей запрещенной общине: разводим детей, как кроликов.

– Нас опять запрещают?

– Да, Клюев судится. Когда ты уже диплом получишь и распустишь нас всех? Мам, да я шучу! Ну что ты так сразу близко к сердцу! Алина, когда приезжаешь? Сейчас, погоди. Выйду на улицу.

– Не знаю. У нас тут практика...

– Мамка тоже в положении, ты в курсе?

До меня доносятся звуки улицы. Щелчок зажигалки. В общине курить нельзя, но брата терпят, потому что он хорошо

зарабатывает.

Дима чуть понижает голос:

– С деньгами не очень, мы на кредит еле наскребаем. Суды эти еще...

– С Виолой у тебя всё? Вы расстались?

Виола – большая любовь Димы, они поссорились, и он выбрал Женю, но связь оборвать так и не смог.

Дима молчит.

– Только не говори, что она тоже беременна!

– Да нет же! Я думал уехать. Теперь не знаю, придется оставаться с Женей.

– Блин, Димитрий, надо было думать до того, как жениться! Дурак ты!

– Еще какой. Ладно. Неважно, не бросишь уже. Давай о тебе. Говорят, сессию сдала на пятерки? Наш светлый ум. Когда приедешь-то, москвичка? Я соскучился, систер.

Вздыхаю.

– Приеду, Дим. Я тоже соскучилась. С практикой решу только. Скорее всего, придется общагу драить месяц: над первачами тут издеваются на славу! – пытаюсь пошутить.

– Кажется, я в западне, – вдруг говорит брат серьезно.

– Дима... – Я теряюсь. Мешкаю. Что тут скажешь? Ребенок. Волоски дыбом, если уж честно. Это так... грандиозно. – Не переживай, все будет хорошо. Я постараюсь помочь. Я тебя не брошу.

– Хах. Держись там сама, благородная систер. Не будь

неудачницей.

– Как ты?

– Как я. Вот и папа чешет на обед. Поговоришь?

– Нет! – Получается излишне громко.

С отцом я не разговариваю больше года, и не готова пока. Он изменяет маме. Она его прощает и укрепляет брак детьми, их скоро будет девять штук. А я – не могу простить.

– Нет, я спешу. Пора делать в столице крутые столичные дела. До связи, Димка. Помни, что я тебя люблю.

– Отрывайся, грешница!

Сбрасываю вызов и сижу с телефоном некоторое время. Мужчина всегда возвращается к своей чистой женщине. Спасение души – в вере. Я молилась каждый день и верила, пока не зашла однажды к соседке. Ее собака вновь погрызла нашу обувь. Там был папа.

На следующем собрании я не молилась. Не могла. Смотрела на отца с мамой и плакала. Потом нашу церковь вновь пытались запретить, приехали мужчины в дорогих костюмах, расхаживали по территории. И отец, самый крутой человек в то время, прыгал перед ними на задних лапах. Заглядывал в глаза. Пресмыкался.

Я подошла к одному из них и осмелилась заговорить. Спросила прямо, выгонят ли нас на улицу.

Мужчина не стал смеяться. Посмотрел в глаза и произнес:

– Девочка, хочешь совет? Тебе нужно бежать отсюда бегом.

– Как? – спросила я.

– Учись. Получи диплом и приходи ко мне.

Я пришла к нему спустя пять лет, правда без диплома. Секретарь позвонила и сказала, что меня возьмут на практику. Возможно, Осадчий запомнил мою фамилию.

Следующие две недели пролетают в каком-то безумном труде, поиске решения и пути к смирению. Я так сильно нервничаю, что перестаю спать. Часто ночую у Наиры. Мама будто чувствует метания: звонит почти каждый день, чтобы поговорить о чистоте и нравственности. О том, как женщину красит материнство. Я испытываю вину, что не помогаю ей дома, вместо этого торчу здесь.

А потом случается нечто, что надламывает внутренний стержень. Я смутно помню те дни и пока не могу четко сформулировать, как так вышло. Не могу разложить чувства по полочкам. Они смешались, как мелкие крупы. Какие-то там сорта манки. Это часами нужно сидеть, разбирать крупинку к крупинке. Я просто прикрываю их платком. Объясню позже.

Времени нет.

Прямо сейчас я стою в чужом гостиничном номере. Это просторные красивые апартаменты, в которых живет мужчина. Один.

Я воспользовалась мужским дезодорантам и не душилась духами, потому что от моего спутника после встре-

чи не должно пахнуть женщиной. Это важное правило. Я не должна оставить следов своего постыдного пребывания.

Потряхивает от количества выпитого кофе.

На мне черное облегающее платье и шпильки. Вокруг талии обмотан шикарный красный бант. Я слегка... посмешище. Но именно в этот момент становится плевать.

Наира сказала, что я могу уйти в любую секунду. Адель попросила не подвести.

Сердце тарабанит. Вполне вероятно, что до интима сегодня не дойдет. Так часто происходит. Я уже была на одной встрече.

В комнате темно.

Вдруг замок щелкает. В полной тишине выходит оглушающе.

Я расторопно забираюсь в картонную розовую коробку и присаживаюсь на корточки, как было велено. Когда включается свет, встаю в полный рост и улыбаюсь.

– С днем рождения! – Хлопаю в ладоши. За моей спиной должны лететь гелиевые шарики.

Хлопаю одна. Почти секунд десять. Никто не прерывает, но и не поддерживает.

Наконец, я решаюсь на первый сегодняшшний подвиг – поднимаю глаза.

Передо мной мужчина. Абсолютно незнакомый. Если бы моя история жила в сериале, то в номер бы зашел непременно одноклассник или одноклассник. Влюбленный до бесп...

мятства друг детства. Он бы узнал меня и спас. Не позволил наделать глупостей.

Но нет. Правда жизни другая.

На мне пошлый красный бант, я – подарок. В номере взрослый мужчина. За тридцать. В черном костюме.

Непонятно, симпатичный или нет, пока не соображаю в этом ключе. В голове бомбит: «Чужой!»

Он определенно высокий. Крепкий. Оценивает меня заинтересованным хмурым взглядом с головы до ног. И обратно.

Я вновь хлопаю. Делаю поворот вокруг своей оси. Мужчина склоняет голову чуть набок. И выдает низко, грубовато: – Ни х*я себе.

По тону понимаю всё. Сегодня у меня будет секс. С этим человеком. Так, как он захочет.

Глава 5

Я чуть приоткрываю губы и пытливно смотрю на него.

Нужно как-то выбраться из дурацкой коробки, которая выше колена. На километровых шпильках, в длинном платье с офигительным разрезом это действие кажется невыполнимой миссией. Не завалиться бы носом в пол к ногам мужика, он и без того, кажется, в шоке.

Запрыгнула-то я сюда на адреналине, но сейчас его количество достигло максимума, и я впала в ступор.

– Ты кто? – запросто спрашивает именинник. Брови приподнимает. Слегка улыбается, откровенно потешаясь над тем, как комично я смотрюсь. Над моей головой чертovsky черно-голубые шарики. – Как сюда попала?

Блин, забыла!

– Секундочку. – Быстро наклоняюсь и шарю по дну.

Вот он! Небольшой конвертик с карточкой от дарителя. Я так и не осмелилась его вскрыть: банально испугалась, что там какая-то пошлость, а я и без того на взводе.

Хорошие люди друг другу шлюх не дарят. А от плохих лучше подальше держаться.

Поднимаюсь и сую конверт под бретель платья. Все время улыбаюсь, имитируя радость встречи.

Именинник подходит, галантно подает ладонь. Я опираюсь на нее и таки выбираюсь из коробки.

Он выше меня почти на голову. И значительно больше. Как жаль, что он не оказался мелким и хилым! Я была бы поувереннее. Этот же несравнимо сильнее – в жизни не отобьюсь, если придется.

Ладонь теплая, широкая. Сейчас – расслабленная. От касания дыхание учащается. Мужчина достает конверт, неловко коснувшись моей ключицы, отчего волосы встают дыбом.

Он вынимает карточку, читает, затем хмурится, закатывает глаза. Выдает что-то типа: «Придурки». И басит мне:

– Звать-то как, милая?

Хороший вопрос.

Я мысленно переносюсь в позавчерашний вечер.

Пuls долбит на максимум, музыка гремит и орет, оглушая. Мы с Наирой продираемся сквозь скачущую толпу к лифту, подруга крепко держит за руку, то ли чтобы я не отстала, то ли чтобы не свалила тайком.

– Это будет просто ужин! – кричит Наира на ухо. – Ричард никогда не берет девочку на ночь! Ему семьдесят четыре! Три года назад умерла жена! Раз в месяц они с Антоном вместе ужинают! Антона я беру на себя!

Я киваю. Мы поднимаемся в лифте, потом идем по залу ресторана, расположенного на крыше высотки.

– Ты придумала себе новое имя? – напоминает Наира за пару мгновений до встречи. И говорит громче: – Привет! Я сегодня с подругой, вы не против?

– Добрый вечер, – здороваюсь я.

В голове шумит. Точно, Наира же упоминала, что нужен псевдоним. Мысли перепутались.

Паника! На меня смотрят. Я... боже, какой стыд! Гадкая я.

Просто беру и подставляю к своему имени букву «Г». Произношу вежливо:

– Меня зовут Галина, очень приятно.

Наира смотрит в упор. В ее взгляде ясно читается: «Проститутка Галя?! Ты больная?»

Ну а почему нет? Так мою первую учительницу звали, я ее обожала. Галина Александровна, простите, если что не так.

Мы с именинником в номере. Я протягиваю руку и произношу:

– Галя.

– Артём.

Он мягко пожимает мою ладонь, наши глаза встречаются. Я стараюсь считывать желания и потребности по мимике. Артём должен дать понять, как и что хочет. Этот мужчина определенно в курсе своих предпочтений. Хоть кто-то из нас опытный.

Я пытаюсь быть смелой, но то и дело проваливаюсь в робость. Было бы намного проще, если бы вечер вел он.

– Очень приятно познакомиться, Артём. Чем бы ты хотел заняться? – Касаюсь его груди кончиками пальцев. – Я при-

ехала, чтобы разделить с тобой твой праздник.

Надо бы соблазнительно провести ладонью по его щеке, расстегнуть пуговики на рубашке, потом ремень. Но не могу решиться. Пульс частит. Трусливая шлюшка Галя.

Уголок его губ приподнимается в усмешке. Артём обхватывает мой подбородок, и я смотрю ему в глаза преданной собачонкой. Мягко улыбаюсь.

– Освежусь, и придумаем.

– Хорошо, – киваю.

Он идет в соседнюю комнату, достает что-то из шкафа и проходит в ванную.

Всё правильно. Наира учила, что нужно попросить мужчину освежиться. Это гигиенично, а в конце дня и вовсе необходимо.

За Артёмом закрывается дверь, включается душ.

Я присаживаюсь на диван и пораженно качаю головой. Начинается. Сейчас тебя поимеют, Галя. Готовься. Под потолком летают шарики.

Наира права: это просто секс. С грешницы не убудет, если ее пару раз вы**ут. Позавчера я два часа улыбалась Ричарду, за это заработала двадцатку.

Примерно прикинула, что десяти-пятнадцати встреч хватит, чтобы оплатить учебу.

Всего десять встреч! Десять мужиков! Какова вероятность, что среди них окажется маньяк?

В столице живет примерно тринадцать миллионов чело-

век. Какова вероятность, что я пересекусь с клиентами в реальной жизни?

Сердце из груди выпрыгивает.

Вероятности стремятся к нулю.

Какова вероятность, что я стану нищей неудачницей, если брошу универ? Пятьдесят на пятьдесят.

Да соберись ты уже! Тоже мне принцессушка-недотрога!

Я расстегиваю молнию и стаскиваю через ноги платье. Остаюсь в одних кружевных, божественно красивых стрингах, которые купила специально для Артёма. А вы как собираетесь на праздники?

Бант несуразно болтается на талии, и я задираю ленты повыше, чтобы они обматывали грудь. Немного давит, но терпимо.

Вопрос на миллион: снимать ли трусы с чулками?

Алина в восемнадцать лет: смотрите, я испекла яблочный пирог!

Алина в девятнадцать разводит ноги: смотрите, вот мой пирог!

Прыскаю. Тем временем душ выключается, Артём, видимо, заканчивает мыться. Я решаю оставить трусы на месте, все же стоят они капец сколько! Усаживаюсь на диван, принимаю позу поразвратнее и жду голого чистого мужика. Да, на моей груди бант.

Дверь открывается.

Артём стремительно выходит, что-то начинает говорить,

но замолкает на полуслове. Впивается в меня глазами, в которых вспыхивает нечто недоброе.

– Эм. Шустро. Я надеялся, мы сначала пожрем где-нибудь.

Сглатываю. Краска ударяет в лицо, и оно, полагаю, становится цвета банта.

Что тут скажешь? «Нет уж, е*и, уплачено»?

Артём смеется и качает головой, чуток смягчившись. Он сменил костюм на черные джинсы и свежую рубашку. Гадство, он даже в носках!

Адреналин шпарит на максимум. Я «вовремя» вспоминаю, что в сумочке лежит смазка. Ей следовало незаметно воспользоваться, пока клиент в душе. Мужчины любят, когда женщины хотят их типа с пол-оборота.

Артём опускает глаза и трет переносицу. Меня вдруг совершенно неожиданно осеняет: он устал.

Сегодня пятница, восемь вечера. Он только приперся с работы. Весь день был в неудобном костюме, туфлях. Решал какие-то важные вопросы. Я после лекций иногда едва ноги волочу, а тут! Да он банально голодный. Даритель не позаботился о праздничном ужине. Возможно, Артём бы больше обрадовался горячим отбивным, чем шлюхе в трусишках.

Это как-то по-человечески и понятно. Я смелею, подхожу к нему и обнимаю за шею.

– Артём, ты голоден? Давай сделаем, как ты хочешь: за-

кажем еду в номер или сходим куда-нибудь. Я могу и сама приготовить.

– Как я хочу? – переспрашивает он. Вновь не смотрит, а пялится.

У него глаза серо-зеленые, внимательные, напряженные. Складка между бровями. В этот момент запоздало доходит смысл фразы Наиры: «Эскорт – это не только секс». В первую очередь я должна расслабить мужчину. Любым способом.

Губы пересыхают. Я облизываю их. От невыносимого волнения в жар бросает, кожа горит. Я сильно возбуждена. Нет, не в сексуальном плане. Я совершенно не хочу Артёма, мне стыдно и плохо стоять перед ним, одетым, в трусах и банте. Лихорадочно подбираю слова.

– Я сделаю сегодня все, что ты захочешь. Давай отдохнем и развлечемся на полную? Сегодня всё для тебя одного. Для нас с тобой.

– Идет, – отрубает он. Смотрит на туго перевязанную грудь, которая начинает поднывать взаперти. Ведет по моему плечу, а потом надавливает.

Подчиняюсь.

– Да, правильно, опустишь на колени. Стой так.

Пuls учащается. Едва колени касаются пола, сочувствие к Артёму порывистым ветром уносится прочь.

Он с интересом наблюдает за моей покорностью. Я бы разозлилась, но некогда. Каждую секунду ожидаю новую порцию унижения. Смотрю на Артёма снизу вверх.

А потом решаю не ждать команды. Тянусь к ремню.

Глава 6

Расстегиваю ремень, тяну вниз язычок молнии, максимально сосредоточившись. В общем-то я потренировалась на бананах, невелика, должно быть, наука.

– Поднимись, – требует Артём.

Эм. Исполняю. Встаю на ноги, но едва наши глаза встречаются, я слышу очередное снисходительное:

– Опять на колени.

Он откровенно издевается и даже не скрывает этого. Скрещивает руки на груди. Потешается, угорает, а я сообразить не могу, как выйти из ситуации. Выпрямляю спину.

– Ну? – бросает Артём в лицо. Смотрит равнодушно-пренебрежительно. Как на ничтожество: – Кукла сломалась? Я хочу, чтобы ты приседала.

Хренов тренер. Сжимаю зубы, слушаюсь.

Вниз. Потом вверх. Потом снова вниз. Он наблюдает.

На глаза наворачиваются слезы обиды. В третий раз, когда я встаю на колени, Артём произносит:

– Достаточно.

Цокает языком и резко отходит, зачехляется. Я слышу короткое, усталое:

– Галя, езжай-ка домой от греха подальше.

Впиваюсь глазами в пол. Сердце разбивается, швыряет в пот.

Не понравилась. Скучная.

Да что ему, засранцу, надо? Хаотично соображаю. Мужчины любят трахаться и кончать. Если клиент кончил, значит, остался доволен. Деньги отработаны, всё окей. Этот пока что и не собирается.

За спиной раздаётся звон посуды. Я поднимаюсь на ноги и бросаю взгляд на дверь. Затем оборачиваюсь.

Артем у барной стойки раскладывает лед по стаканам, разливает виски. Плююсь украдкой. Он молод и хорош собой. Весьма. Дорого, со вкусом одет. Женщин, наверное, тьма всяких разных. Шикарных, более красивых и сексуальных, чем я.

Он, видимо, посчитал, что Галя недостойна сделать его светлости минет. Сглатываю и раздражаюсь. Не вовремя врубается синдром отличницы. Опа. В отношении е*ли за деньги этот синдром тоже, оказывается, работает. Отвечаю на внутренний вызов. Нет уж, Артём, этот вечер тебе понравится и запомнится, хочешь ты того или нет.

Стаканов два. Артём берет один и плюхается в кресло. Он хоть и хам, но гостеприимен. Я прохожу мимо, прямо к стойке.

– Выпью?

– Велком.

Делаю глоток. Отпряного виски покалывает язык и сводит скулы. Туда бы колы влить три раза столько же. Я открываю холодильник и оглядываю содержимое. Достāju газиров-

ку, разбавляю, пью.

Не только Артём сегодня ничего не ел. От нервов я сутки на одном воздухе. Алкоголь натошак всасывается в кровь в ускоренном темпе и ударяет в голову.

Дурацкий бант до боли стягивает грудь, она, бедная, немеет. Артём о чем-то глубоко размышляет, трахаться не собирается. Полный провал. Адель меня вышвырнет, и деньги придется вернуть. Новых клиентов не будет.

– Поможешь снять бант? – спрашиваю. – Тут узел намертво завязался.

– Ножницы где-то там. В одном из шкафчиков.

– Не помнишь в каком?

– Понятия не имею. – Ноль энтузиазма.

С грохотом возвращаю стакан на стойку. Не планировала истерить, так вышло. Артём поднимает глаза и опаливает раздражением. Один неверный шаг, и именинник за шкуру меня вышвырнет из номера прямо так, в трусах. Скандалы терпеть он явно не намерен.

Я дергаюсь. Прохаживаюсь по кухне, проверяя шкафчики. Заглядываю то в один, то в другой. Наклоняюсь. Наконец, нахожу ножницы в отделе со сковородками. Н-да, на этой кухне никто никогда не готовил.

Оборачиваюсь и с удивлением понимаю, что Артём на меня смотрит. Разглядывает тело с каким-то мрачным интересом. Чуть приоткрыв рот.

Озарение свыше обескураживает. Да он же хочет меня!

Нравлюсь! Но тормозит себя. Не знаю, в чем дело. Может, брезгует шлюху, может, другую любит. Но физически – хочет.

Расслабленная поза, стакан виски в руке. Прямой взгляд. Острое волнение бьет током. Я подхожу к Артёму, забираюсь верхом и протягиваю ножницы.

– Помоги, пожалуйста.

Сердце колошматит, я дала чужому мужику колюще-режущий предмет. Опасность на семь из десяти.

Артём слегка прищуривается. Протягивает стакан.

– Подержи.

Слушаюсь. Он берет ножницы, оттягивает ленты, отчего становится больше и я охаю, задержав дыхание. Артём зажимает ткань между лезвиями. Мое бедное разбитое сердце ноет. Кожа горит, на мужских коленях невообразимо жарко. Волнение достигает максимума.

Артём шумно втягивает носом воздух. Его щеки розовеют. Или он возбуждается, или я совсем глупая.

Одним движением он перерезает ленты, открывая миру Галину, как новенький торговый центр. Обрывки украшения падают вокруг. Я делаю жалобный глубокий вдох и провожу по груди свободной рукой. Потираю. На ней остались болезненные следы.

Артём быстро откладывает ножницы и сжимает мои полушария, сводит вместе. Чувствительность распаленной кожи зашкаливает, я ахаю от неожиданности и ощущений.

Он перекручивает между пальцами соски. Я совершаю плавные движения бедрами. Еще и еще. Почувствовав твердость, развожу ноги шире и вжимаюсь своим пахом в его. Третье. Он там камень. Боже. Начинается.

Отхлебываю побольше виски и эффектно выгибаюсь. В следующий момент Артём хватает меня и тянет к себе. Стакан падает из рук, Артём впивается в шею, осыпает поцелуями ключицы. Я полностью теряюсь. Нежно глажу его по плечам и затылку.

Он принуждает прогнуться и подать ему грудь, которую бесцеремонно облизывает. Обводит языком соски, прихватывает зубами.

– М-м-м, – тяну я, кусая губы, морщу лоб. – Артём...

От трепета и страха трясет, гремучий коктейль взрывается искрами в венах. Это слишком для меня. Каждая клетка тела воспалена, от каждого прикосновения в душе пламя. Я настроилась позволить Артёму всё.

И позволяю, тщетно пытаюсь расслабиться.

– Блдь, – выдает он хрипло. Начинает расстегивать пуговицы на рубашке.

Я тут же принимаюсь помогать. Пальцы дрожат, но получается.

Алкоголь разгоняет и без того ошалевший пульс, картинка плывет. Артём сжимает мой затылок, притягивает меня к себе и целует.

Касание его горячего тела ошеломляет. Язык врывается

в мой рот, и алкоголя будто становится больше. Не успеваю ни вкус почувствовать, ни осознать происходящее. Именинник жадно, потребительски пробует меня, облизывает.

Я глажу его плечи и ерзаю на стояке, интуитивно чувствуя, что Артёму приятно.

Это миф, что мужчины не целуют шлюх. Таких, как я – целуют, и еще как. Им нравится.

Артём владеет моим ртом и при этом лапает тело: спину, бедра, грудь, живот. Трогает, где хочет и как хочет.

Мы оба одновременно стонем.

В следующую секунду он сжимает мои ягодицы, придерживает, рывком поднимается из кресла и идет к столу, на который меня и плюхает.

Ловкими, четкими движениями расстегивает ремень. Пуговицу, ширинку. Снимает джинсы вместе с боксерами.

Меня трясет. Впиваюсь глазами во внушительный стояк. Вновь сглатываю. Но слишком пьяна и возбуждена, чтобы думать.

Артём открывает один из шкафчиков и достает презерватив. Где эти штуки лежат, он прекрасно знает, действует безошибочно. Едва я успеваю стянуть стринги, как он уже в защите. Подходит и притягивает меня к себе.

Глава 7

Мир переворачивается. Нутро сжимается, я дыхание задерживаю, мечтаю оказаться в другом месте.

Артём рядом совсем. Чужой. Нелюбимый.

Я сделала всё правильно: соблазнила. Но радоваться не выходит. Пусть это закончится быстрее.

Послушно и максимально нежно обнимаю его за шею. Дрожу. Истерзанное сердце ухает в пятки, в ушах шумит. Бравада и защитный юмор улетучиваются. Корыстная до денег Галя машет ручкой и исчезает, оставляя разгребать последствия Алине. Уязвимой, напуганной до смерти грешнице.

Хаотично оглядываюсь.

Готовилась морально, но сейчас в дикой, неадекватной панике.

Отступать поздно. Нас в комнате – двое. Робко прижимаюсь к Артёму – большому, сильному. Он вторгается в зону комфорта, тоже обнимает меня. Молю мысленно, чтобы не был жестоким. Мне очень-очень страшно. *Я... доверяюсь ему, иначе происходящее просто не выдержать.*

– Ты чего дрожишь? – спрашивает Артём.

– Чуть-чуть замерзла, – отвечаю шепотом, интимно, на выдохе.

– Ты настоящая красавица. – Его густой голос кажется

очень значительным.

Я жадно ловлю каждое слово. Сердце отбивает удары: бах-бах-бах. Жду подвоха, но его будто нет.

Артём вдруг улыбается широко и предлагает:

– Согреемся?

Бросает в жар от тона и голоса! От прямого откровенного взгляда. Так на меня никогда не смотрели. В этот момент понимаю, что, если бы при других обстоятельствах Артём вот так со мной разговаривал, ухаживал, смотрел... я бы по доброй воле согласилась на свидание.

А дальше, наверное, сказывается напряжение и врубается защитная реакция.

Киваю как замороженная. И Артём кидается на меня. Губы прижимаются к шее, движения рта умелые и быстрые, руки шарят по коже, чертят невидимые узоры. Его много! Артём всюду, он становится воздухом.

Я с ним один на один. Растерянная Алина-грешница и взрослый жадный мужчина. Он ласкает меня голодно и естественно. Без унижения, издевательств, насмешек. И я принимаюсь мечтать!

Что он не чужой. Что это мой парень целует грудь и упирается стояком в живот. Его кожа приятно гладкая, мышцы напряженные. Он вкусно пахнет. Его ласки в других обстоятельствах были бы... обалденными. Можно ли винить меня за то, что я сдаюсь и начинаю получать удовольствие?

Минуты летят стремительно.

Артём выпрямляется и подтягивает меня к себе. Зацелованная и распаленная, я вижу его вдруг невероятно привлекательным. Мужественным. Взрослым.

Сердце норовит пробить грудную клетку. Я существую только здесь и сейчас, с Артёмом.

Головка касается половых губ. Я прячусь на его груди, жадно вдыхаю запах кожи – густой, терпкий. Пропитываюсь им. Робко целую Артёма, представляя, что мы пара.

В следующее мгновение пронзает стрелой. И кажется, что насквозь.

Я думала, что настроилась, но на самом деле – ничего подобного. Боль ошеломляет. Слезы наворачиваются. Чтобы не вскрикнуть, кусаю внутреннюю сторону щеки, следом чувствуя привкус металла. Крепко зажмуриваюсь и снова лгну к твердой груди, как к надежной стене.

Всё хорошо, мы вместе. Я с ним в безопасности.

Артём делает еще один толчок, протискиваясь, наполняя. Это странно, дико, по-животному жутко. И отчего-то приятно одновременно.

Мужского запаха становится больше. Артём тихо стонет, не скрывая своего кайфа. Волоски на коже дыбом. Каждой клеточкой ощущаю, как же ему хорошо во мне. Он обнимает с наслаждением, прижимает к сердцу. А я будто его. Будто принадлежу.

Стараюсь дышать. Нежно-нежно глажу его, поощряя. Он совершает круговое движение. У меня глаза едва не лопают-

ся.

– Артём... – выдыхаю, не зная, что добавить. Робею-робею-робею. Пожаловаться не осмеливаюсь. Больно!

Он делает шумный вдох и произносит неожиданно мягко:

– Хорошая. Приятно с тобой.

Одобрительный, теплый тон прокатывает по коже. Проникает под нее и эхом звучит в душе Алины. Убаюкивает. Я думала, из-за огромного, раскаленного как металл в кузнице члена в меня уже ничего не поместится. Но нет. Для доброты всегда найдется местечко.

В этот момент Артём окончательно перестает быть чужим. Происходящее пусть ненормально, но мы делим его на двоих. Я шепчу: «Артём», а он слегка улыбается.

Воздух густеет, дышать тяжело. Мы вдруг оба задыхаемся. Если бы не ощущение, что внутрь меня запихали огромную дыню, было бы совсем здорово.

Артём толкается в меня, потом еще раз. Запрокидывает голову, зажмуривается. Его удовольствие осязаемое. Он говорит, не глядя:

– О*уенно. Тебе нравится?

– Очень.

– Я тебя хочу. Полетели.

Он срывается и начинает двигаться. Брать меня. Быстро и жадно, словно опасаясь, что прервут. Словно тысячу лет хотел именно этого. И если в первые секунды больно капец как, я в состоянии только губы кусать и прижиматься, то по-

степенно эта адово-невыносимая пытка сменяется жжением. Вполне сносным. Бешеная энергетика Артёма затапливает, его кайф просачивается в душу, и я вновь получаю удовольствие. Из рта вырываются стоны.

Его это лишь подогревает.

Он берет меня так отчаянно. С нетерпением в каждом рывке. Стол опасно шатается, но нам с именинником вдруг становится все равно. У нас день рождения!

– Мы упадем! – пишу я.

Он низко смеется:

– Поймаю, не бойся.

Вау! Ласкаю его голого, возбужденного. Такого горячего и будто близкого!

Артём обхватывает мои бедра и вновь тянет на самый край.

– Не убегай, Галчонок, ты мне еще нужна, – говорит с беззлобным смешком. Шутит!

Я случайно ловлю его взгляд, в серо-зеленых глазах дикость и веселье. Азарт. Вновь робею. А он берет меня. Быстрее и быстрее. С удовольствием. Чувствительность запредельная, эмоции мои – оголенные, и он их все разом себе присваивает. И меня заодно, Алину. Его запах уже под кожей. Внизу живота печет, это намного больше боли. Схожу с ума. Растворяюсь. Чувствую.

– Артём... – прошу. Чтобы медленнее, чтобы быстрее. Чтобы...

Он врежется в меня, в следующий момент боль и возбуждение вступают в термоядерную реакцию. Выброс тепла парализует неожиданностью. Именно тепла – мягкого, неотвратимого. Я напрягаюсь всем телом, тону, захлебываясь. Жалобно всхлипываю, забывая гасить стоны.

Я... никогда такого не испытывала. Горячие волны расходятся от низа живота и устремляются к кончикам пальцев. А я плыву на них, как на сап-доске, полностью отдавая контроль над собой и ситуацией.

Насаженный на раскаленный член Галчонок трепещет. Адское напряжение последних дней исчезает, и я впервые чувствую себя живой.

Дрожу, но теперь не от страха и холода. Осмелев, целую Артёма в грудь, в плечо, слизываю капельки пота. Он наклоняется, и я с нежностью отвечаю на поцелуй в губы. Долгий, чувственный. Мне так вкусно! Обо всем забываю!

Огненная же, заживо сгорающая грешница, а кислород необходим пламени. Артём резко выходит, подхватывает меня на руки и как невесту бережно несет в комнату. Я пикнуть не успеваю, как оказываюсь на мягкой кровати, а он сверху. Обнимаю его за шею. Смеюсь.

Остатки сердца колошматят на максимум. Артём накрывает телом.

– Ох*енная ты, – выдает в губы с жаром. Пошло, грубо, с восхищением. Именно так, как любил только что.

Пальчики ног подгибаются, я улыбаюсь, пробуя его гру-

боватую прямолинейность на вкус. Она искренняя, я бы, наверное, могла к такому привыкнуть.

– Шикарная бл*дь, – произносит Артём следом. – Сейчас резинку только поменяю.

Словно из шланга ледяной водой окатывает.

Он сказал «шикарная...» кто?

Мир обрушивается.

Я делаю вдох, срываюсь с небес и падаю в ад. Он замерзший, вы знали? И тут же становится холодно. Тишина уши закладывает. Застываю. Вновь не живу, привычно леденею каждой клеткой.

А чего ты, блин, хотела? Именинник повисил тебя до спальни и заодно поставил на место, назвав той, кем являешься.

Киваю самой себе. Что я была с Артёмом, как со своим, он знать не должен.

Где уверенная в себе, циничная Галина? Она мне нужна. Необходима, чтобы умом не двинуться.

В комнате темно. Артём сидит на краю кровати. Всё еще учащенно дышит. Открывает тумбочку и шарит там. Потом включает ночник. Оборачивается.

– Кровь. У тебя месячные? – Смотрит в глаза будто беспокойно.

Не грубит, не злится, просто спрашивает. Я же теряюсь и вновь боюсь его до смерти, словно он орет сейчас благим матом. Губы пересыхают. Стыд, позор, ужас – все возвраща-

ется. Надеюсь, мы с ним никогда больше не увидимся. Никогда на свете! Как это пережить-то можно?!

– Галь, у тебя кровь.

Делаю над собой невероятное усилие и нацепляю улыбку.

– Ты у меня первый. Я думала, знаешь. – Прокашливаюсь и улыбаюсь шире: – С днем рождения!

Глава 8

– Спасибо, – произносит Артём.

Восторгом не светится. Отводит глаза, приподнимает брови. Машинально завязывает презерватив узлом.

– Пожалуйста.

– Так вот почему «особенная девочка». Зашитая. – Он встает. Сразу как-то обидно усмехается, обесценивая мою боль. – И какой я по счету «первый»?

Кровь отливает от низа живота и ударяет в лицо. Улыбаться больше не получается. Беру подушку и прикрываюсь.

– Что?

Артём подходит к столу и бросает использованную резинку в урну. Открывает бутылку с водой, делает несколько глотков. Я наблюдаю за ним внимательно. Истолковав слежку по-своему, он кидает мне вторую бутылку. Ловлю.

– Да нет, правда первый, – искренне заверяю, тоже пью. – Единственный. – Щеки горят. Как же унижительно доказывать мужчине подобное! – Это и есть подарок твоих друзей.

Артём кажется еще выше ростом, чем раньше. Вытирает губы тыльной стороной ладони. Хмурится.

Я продолжаю:

– Никакого обмана.

– И? Даже если так, ты какого-то поощрения великого от меня ждешь, что целку свою продала? Умный поступок

в твоём понимании? – бьет он словами наотмашь. – Мне обрадоваться, замуж тебя позвать, такую находчивую?

Бах-бах-бах, перед глазами пятна. Адель заверяла, что мужчинам нравится, когда они первые. Льстит. Они тут же нежничать начинают, жалеют, дарят подарки.

Я замираю, мечтая раствориться в воздухе.

– Не нужно никуда меня звать. Тебе было приятно, это самое главное, – произношу сдержанно. А потом все-таки добавляю: – Если есть те, кто готов заплатить, почему бы не воспользоваться.

Артём хмыкает.

– Логика кривая, но проскальзывает.

Он уходит из комнаты. Я провожаю взглядом его крепкие ягодицы, представляя, как минуту назад они двигались, когда член вдалбливался в мое тело. Промежность печет, ноги сводит. Там, по ощущениям, одна большая рана.

Он трахал меня, не жалея. Даже для не девственницы это было бы слишком. Так сильно завелся, что не понял, не почувствовал, как порвал тонкую преграду. Вошел рывком.

Хлопает дверь, следом доносятся звуки душа. Опять моется.

Я крепко обнимаю подушку и утыкаюсь в нее носом.

Тихо так. В этих апартаментах слишком хорошая звукоизоляция, я бы многое отдала, чтобы поток воспаленных мыслей прервал какой-нибудь посторонний шум – музыка, крики. Но нет.

Я слышу лишь биение собственного униженного сердца. Льющуюся воду. Вдыхаю запахи секса. Держу на языке полсловкусие пренебрежения.

Через пару минут Артём освобождает ванную, а я, замоставшись в простыню, юркаю туда.

Тепло. Зеркало запотело, но и к лучшему – не хочу на себя смотреть. Завязываю волосы повыше и захожу в душевую, воду включаю. Долго моюсь, смывая с себя его пот и запах. Вода уносится розовая, и мне становится немного дурно. Намыливаюсь тщательно. Тру себя остервенело. Плакать хочется. Сильно. Нельзя, но разве это контролируется! Прижимаю кулак к губам и негромко скулю, зажмурившись.

Вот оно как, оказывается. Вот. Оно. Как.

Вдох-выдох. Тема секса в нашей общине всегда была строго табуированной, оттого и вызывала неистовый интерес. Мы с подружками украдкой ее, конечно, обсуждали, прячась от взрослых, делились найденной информацией, потом уши и щеки пылали. Я знала про мастурбацию, но никогда не трогала себя, кроме как ради гигиены, чтобы не испытать лишнее и порочное. Секс – это про брак, про мужчину и женщину, про детей. Остальное – недостойное.

Я собиралась хранить себя для единственного. Чистая девушка станет лучшей, уважаемой женой, которую муж будет беречь, всю жизнь ценить и благодарить.

Потом я узнала об измене отца, и секс стал противен. Потерял загадочное очарование. Захотелось сделать это с со-

бой, понять, что такого особенного. Почему мой идеальный, любимый, самый лучший в мире отец так поступает с матерью? Трясло от мысли, что стану для кого-то такой же «чистой лохушкой». Я просто... не знала, как с этим справиться.

Вскоре после того как поступила и заселилась в общежитие, познакомилась с Динаром. Вернее, он со мной познакомился. Начал ухаживать красиво, влюбился. Мне он тоже понравился – хороший парень из небольшого городка, симпатичный, воспитанный, добрый.

Крови больше нет. Вода прозрачная. Едва я думаю об этом, как начинаю дрожать. Будто все еще чувствую прикосновения Артёма. Тело воспаляется. Бесстыдный, дикий секс. Я захлебываюсь эмоциями и включаю холодную воду.

Я хотела стать обычной современной девушкой, но наедине с Динаром всегда думала о мести отцу. Меня мучило. Как только доходило до близости, перед глазами возникали те самые ужасные картинки. Неудивительно, что мы расстались.

А тут... я вообще не думала об отце. Ни разу о нем за вечер не вспомнила!

Забыла и о том, что приглашена на праздник в качестве девушки по вызову.

Обо всем на свете забыла!

Но пора возвращаться в реальность. Я эскортница.

Больше не чистая и не годная к браку грешница. И как-

то нужно это пережить.

Выключаю воду, протираю после себя душевую, наводя порядок. Обматываюсь полотенцем, распускаю волосы и выхожу в коридор.

Артём стоит у окна кухни, вполголоса говорит по телефону.

Я быстренько собираю свои вещи, стараясь лишний раз не смотреть в его сторону. И не шуметь. Хотя украдкой поглядываю все-таки. Тут не удержишься! Хочу, наверное, запомнить.

Такой Артём, конечно, безмерно уверенный в себе. Внутренняя сила во всем – в жестах, движениях, фразах. Свободный.

Люди его плана обладают властью над другими, для них это норма. Типажом и непохожестью на моего отца Артём отдаленно напоминает Осадчего, только именинник значительно порочнее. Честно говоря, я даже представить не могу, что такой вот Артём мог бы влюбиться.

Сильно. По-настоящему. Влюбиться и страдать, скучать...

Прыскаю. Вот бы посмотреть на это.

Артём улыбается, а потом смеется. Я теряюсь, слушая, как он хохочет. Должно быть, принимает поздравления.

Натягиваю запасные плавки, платье. Запихиваю в сумочку чулки и стринги. Отношу полотенце в ванную, бросаю в корзину. Собираю обрывки лент. Беру шпильки, пакет...

Что еще? Я оглядываю помещение. Забывать ничего нельзя, это в нашем шлюшьем деле – фатал еррор.

– У тебя до которого часа оплачено? – спрашивает Артём.

От неожиданности я вздрагиваю. Думала, он все еще погружен в телефонный разговор. Выходит в центр комнаты, смотрит прямо на меня. Полностью одет, собран.

Понимаю, что краснею, и дико смущаюсь. Оно само происходит. Попробуй тут сделать вид, что это обычный денежек!

– До... утра. До шести.

Артём мажет глазами по наручным часам.

– Еще и полуночи нет. Куда намылилась? – Чуть приподнимает брови.

Это его движение я успела выучить. Наигранное недоумение. Сам прекрасно все понимает, но специально ставит в неудобное положение.

И у него, блин, получается! Я в панике.

– Думала, ты достаточно удовлетворен и доволен.

Он слегка улыбается, оглядывает меня с ног до головы.

Хмыкает.

– Удобная обувь есть? Или ты в этом сюда прискакала?

– Есть. Кроссовки, – показываю ему пакет.

– Обувайся, поехали.

Артём идет к выходу. Я моргаю пару раз. Потом ставлю на пол кроссы, запихиваю в пакет шпильки.

– А мы куда? – уточняю.

Макияж я смыла. Одето странно: платье с разрезом и кроссы. Но больше всего напрягает именно необходимость с именинником куда-то ехать. Новая локация – новые риски.

– Радовать меня, разумеется. Заодно проверим, в чем ты там еще девственна. Пакет оставь, вернешься за ним.

Артём распахивает дверь и галантно ждет, пока я выйду в коридор. В глаза ему не смотрю, понимаю, что в них едва ли что-то хорошее. Волоски дыбом, пока я иду в сторону лифта.

А когда двери съезжаются, мы вновь оказываемся наедине. Я начинаю молиться о том, чтобы ему опять позвонили. Артём же... смотрит прямо на меня.

Глава 9

– Принесите чистые вилки, пожалуйста, – сдержанно-вежливо обращается Артём к официанту.

Я уже успела схватить свои приборы и собиралась приступить к карпу в кисло-сладком соусе, – на вид и по запаху блюдо космос, – но теперь мешкаю и, проглотив слюну, возвращаю вилку с ножом на стол.

Последние сорок минут вышли изматывающими, и дело даже не в позднем времени суток. С Артёмом невозможно предугадать что-либо, и оттого напряжение шкалит! Не получается контролировать ситуацию. А ведь кто контролирует вечер, тот выходит победителем.

В такси ехали на заднем сиденье. Артём говорил по телефону непрерывно, принимал поздравления, грубовато шутил. Я могла бы решить, что он забыл о моем существовании, если бы уверенная рука не наглаживала колено без остановки. Артём вел пальцами по бедру вверх, насколько позволял разрез. А позволял он ого-го как высоко!

Машинальные движения. Кто-то четки перебирает, кто-то рисует во время телефонной болтовни. Ну а некоторые шлюх гладят. Все мы разные.

Я молчала, стараясь не привлекать внимание. Мы прибыли в ночной клуб, зашли с черного входа. Поднялись в лифте и заняли столик в беседке. Карпа я пробовала, – это блюдо

мы с Наирой однажды готовили, – поэтому легко разобралась с меню. Артём тоже сделал заказ. А еще попросил бутылку водки.

Мы съели по салату, после чего нам принесли горячее, а чистые приборы – нет.

– Простите? – Официант наклоняется и вопросительно замирает. – Что-то не так?

– Всё так, но я хочу новую вилку.

– Эта вроде бы ваша. Вы ею ели, – растолковывает официант вкрадчиво.

Артём слегка улыбается и поясняет:

– Она грязная.

Официант моргает, не понимая, что происходит. Неопытный, наверное. Или упрямый.

– У нас не принято к каждому блюду приносить новые приборы. Это ваша вилка, вы можете спокойно продолжить есть ею. Приятного ужина.

Артём поворачивается и хмурится, я вижу, что он начинает раздражаться. Этого еще не хватало! Только клиент успокоился.

– Сделайте для нас исключение. Пожалуйста, – прошу.

– Это не по правилам! Я позову администратора. – Официант уходит, встряхнув длинной челкой.

– Москва, – разводит руками Артём, одним словом как бы поясняя все в этой жизни. – Я ежедневно здесь в ахере, Галя. – Он принимается разливать водку по стопкам. – Пофи-

гизм в каждом действии. Всем на всех плевать.

Музыка довольно громкая, но разговаривать не мешает. Я подаюсь вперед и предлагаю:

– Давай я быстро сбегаю помою. Мне не сложно, зато поедим нормально уже. Я сама голодная.

Артём откидывается на спинку дивана. С досадой смотрит на остывающее мясо. Упертый голодный дурень. Но я работала официанткой и знаю, что такие люди есть. Это воспитание, он выберет голодать, но не переступит через себя.

И правда голодный же! Сидит страдает.

Не дожидаясь разрешения, я беру тряпочную салфетку, укладываю туда наши приборы и спешу в дамскую комнату. Тут, конечно, обалденно красиво и чисто, не тамбур, а музей. Но разглядывать некогда, у меня там грустный некормленный именинник. Тщательно отмываю над раковиной и возвращаюсь.

Едва мы приступаем к еде, подлетает администратор и принимается извиняться, горячо оправдываться. Артём быстро его успокаивает, предлагает никого не увольнять, ограничиться разъяснительной беседой.

– Всё в порядке. Проблему решили, спасибо моей спутнице. Оставьте нас. Благодарю за отзывчивость.

– Далее вами займусь я лично! Если что-то понадобится, просто нажмите кнопку.

Мы остаемся наедине, я запихиваю в рот кусок побольше, с наслаждением пережевываю. Артём же поднимает стопку

и произносит вполголоса:

– Что ж, Галя, с тебя тост.

Едва не давлюсь на этом моменте! Проглатываю, больше не чувствуя вкуса. Беру салфетку, промокаю губы.

– С меня?!

– Да, – запросто выдает именинник. – Найдется несколько добрых слов?

Да ты издеваешься! Я с тобой знакома от силы пару часов! Далеко не самых приятных в жизни.

Артём бросает взгляд на экран мобильного, тот темный. Включает время. И выдает сухо:

– До конца дня рождения осталось семь минут, поспеши, пожалуйста.

– Можно мне коктейль или воды? Я такое не пью.

Артём вертит стопку в руке и произносит задумчиво:

– Я, видишь ли, тоже «такое» пью не каждый день. Но так уж вышло, что свой тридцать третий день рождения отмечаю не в кругу семьи и близких людей, а вдвоем со шлюхой. Так что, Галина, сделай уж над собой усилие и напейся вместе со мной в хламину. Это очень хорошая водка.

Этикетка и правда незнакомая, в тех барах, где я подрабатывала, таких не было.

– А где твоя семья? В другом городе?

– Да. Мы немного в ссоре.

Рядом с ним так и лежит телефон экраном вверх, Артём все это время будто ждет поздравления от кого-то еще.

До конца его дня осталось каких-то пять минут, а ему не пишут! Жестоко. Я бы тоже расстроилась.

У нашей общины минусов как до луны и обратно, но праздники мы всегда встречали большой семьей, весело и душевно, хоть и без алкоголя.

Артём выглядит будто растерянным, уставшим больше морально, чем физически. Сердце сжимается от сочувствия. Я выбираюсь из-за стола и присаживаюсь на диванчик рядом. Беру стопку. Артём тянет меня к себе, заставляя разместиться на его коленях. Обнимает, смотрит с интересом снизу вверх.

Все его внимание приковано ко мне.

Пульс вновь учащается, и теплое волнение разливается по коже. На его коленях сидеть – это стресс, в котором ощущается что-то пикантно-приятное.

– Дорогой, Артём, – начинаю я.

Случайно позволяю ему поймать мой взгляд и дальше не могу отвести глаз. Напряжение достигает максимума, голос то и дело срывается.

– Что же можно пожелать красивому, успешному мужчине? Тому, у кого всё есть? Ты поставил меня в замешательство.

Артём самодовольно улыбается. Смотрит. Ждет. Свободной рукой по-свойски поглаживает мое бедро.

Не могу я желать ему любви! Это бред какой-то. Не могу, и всё. Как-то это... цинично будет. А я хочу искренне.

– От всей души желаю тебе всего самого крутого! А еще – полноценного отдыха, размеренного сна. Того самого особенного, ни с чем не сравнимого чувства поддержки ближнего. Пусть у тебя всегда находится время на хобби и глоток хорошего алкоголя в кругу друзей или в одиночестве. Пусть эти минуты наполняют тебя энергией. С днем рождения, Артём! Будь очень счастлив!

Фух! Выпалила! Он секунду молчит.

– Умница, – произносит, голос звучит глухо.

Я расцветаю. Мы чокаемся, опрокидываем стопки. Горький вкус ошеломляет мой и без того истерзанный организм. Я прижимаю ладонь ко рту и морщусь, быстро моргаю, избавляясь от слез.

Артём кладет ладонь на мой затылок, притягивает к себе, ловит губы. Раздвигает их языком, а дальше... целует. Мне в голову бьет, мир вокруг кружится. Вкус водки, горечи и... его вкус. Уже каплю знакомый. Артём целует бесцеремонно, облизывает мой язык, не позволяя отвечать. Не пробуя, не флиртуя. Просто берет, как хочется.

Сжимает грудь, через тонкую ткань без проблем находит соски, мнет их, перекачивает между пальцами. Целует так, словно я – лучшее, чем можно запить водку.

Когда отрывается от меня, в его глазах – животная дикость. Пульс тарабанит, я в полном замешательстве. Артём ставит тарелку ближе к себе, я обнимаю его за шею. Он начинает есть, не спуская меня с колен.

Глава 10

– Если тебе неудобно, я могу сесть рядом, – предлагаю на всякий случай.

– Мне удобно.

Н-да. Сложно угодить. Длинная-длинная ночь. Ни конца ей ни края.

Артём придвигает мне тарелку.

– Ешь, не стесняйся.

– Я боюсь на тебя капнуть в этом положении.

– Уж постарайся как-то аккуратнее! – парирует он с оттенком возмущения, но не зло.

Будто даже если и капну, ничего ужасного не случится.

Алкоголь ударяет в голову. Я смеюсь и смелею. Эмоций море! Попробуй выплыви и собой останься! На коленях Артёма и удобно, и нервно. Кусок в горло не лезет. Но не выбрасывать же. Такое блюдо дорогое, вкусное, повара старались. Ковыряюсь вилкой, потихоньку ужинаю.

Артём ест красиво. Другое слово подобрать сложно, его манеры настолько безупречны, что я ощущаю себя простушкой, изо всех сил стараюсь соответствовать хотя бы слегка.

Мы вновь пьем банальную горькую водку. Потом он наливает только себе, позволяя мне сойти с дистанции и чокаться с ним водой. Сам же махом опрокидывает, закусывает уже привычным образом.

Его взгляд слегка расфокусируется, именинник стремительно пьянеет.

Так и держит меня на руках весь ужин. Даже когда в туалет отлучаюсь и, вернувшись, секунду мешкаю, потом робко подхожу к нему, и он обнимает. Прижимает к себе, окутывает теплом и вниманием.

Артём вновь разливает. Я начинаю отнекиваться:

– Мне хватит. Артём, пожалуйста, умоляю тебя. Зачем я тебе пьяная?

– Надо. Галя, надо. Тебе бабки твои нужны?

Он изгибает бровь, и я фанатею от его мимики. Против воли, разумеется.

Мы снова пьем! Потом обнимаемся и хохочем. Просто так. Болтаем о чем-то неважном. Артёму становится действительно хорошо, он расслабляется, слушает меня, даже отвечает на некоторые вопросы.

И я прихожу в восторг! Возможно, дело в импортной водке, но и сама ситуация нестандартная. Поймите правильно, мужчины такого типа никогда меня не слушали. Да что там! Меня вообще не слушали мужчины, мнение глупой маленькой девочки никого не волновало ни дома, ни на учебе. А тут человек хоть и хам, но занимательный.

– Ты из очень богатой семьи, верно? – спрашиваю аккуратно.

Артём потешается надо мной. Интерес в глазах держится, поэтому уточняю:

– Угадала?

Он пожимает плечами.

– С чего взяла?

– Это твое чувство собственной важности, – объясняю я, жестикулируя. – Оно действует на окружающих убойнее брендов, которыми ты обвешан. Наверное, такому можно научиться, но! – Делаю театральную паузу. Артём ржет. – Ты пьяный сейчас вдупель. А оно никуда не девается. Как и осанка, и жесты. Значит, в крови. Верно?

– Возможно. – Он облизывает губы и пялится на мою шею, ключицы, грудь.

Будоражит. Он так смотрит, что дыхание постоянно сбивается.

– Но ты работаешь, – продолжаю. – Много. Усердно. Нервно. Зачем?

– Твои идеи. Жги.

– Хочешь доказать папе что-то?

Артём качает головой, словно пропуская через себя мой ответ.

– Хорошо, – хвалит. – Но мимо. Все банальнее, Галчонок мой. Безделье опасно для жизни.

Он сказал «мой». Ого.

– Да ладно! – всплескиваю руками.

– Так и есть. Для ментального здоровья, дабы не впасть в депрессию и прочую муть, среднестатистическому мужику необходимо работать от тридцати часов в неделю.

– То есть ты пашешь, чтобы не впасть в депрессию?

– В том числе.

– Да конечно! Ты работал сегодня больше двенадцати часов. В свой день рождения! Спорю, проснулся около шести!

– В пять тридцать.

– Вот. Встать в пять тридцать и приползти с работы в восемь. Мне особенно нравится, что ты искренне веришь, будто это все ради ментального здоровья!

Артём запрокидывает голову и громко хохочет. А я с ним!

– Да что ты понимаешь, пьяная шлюха! – отмахивается он.

Мы снова горячо целуемся. Теперь я уже отвечаю. Обнимаю его, глажу колючие щеки.

Пьяная шлюха ощущает себя красивой. Остроумной. Важной! Модная музыка заряжает энергией. С кем-то другим я бы, наверное, уже умерла от стыда раз восемь, но с парнем, который коротает свой дэрэ в компании пьяной малолетней эскортницы, как-то всё запросто. Не понравлюсь и что он сделает? Отпустит меня домой на три часа раньше?

Артём просит подвигаться на нем, и я подчиняюсь. Пока он не останавливает резко. Сжимает мои колени.

– Тихо, ш-ш-ш. Перестань. – Чуть склоняет голову.

Глаза у него дурные, но по-прежнему умные и напряженные. Такое вот сочетание.

– Иди-ка потанцуй внизу. Не хочу е**ть тебя здесь.

Дыхание рвется. Мы и правда заигрываемся, я ощущаю что-то отдаленно напоминающее... возбуждение. Устыдив-

шись, отвожу глаза.

– Потанцуй. – Артём спихивает меня с колен. – Я буду смотреть.

Киваю. Спускаюсь по лестнице на нижний ярус, где танцпол. Три песни подряд двигаюсь под музыку. Постоянно проверяя, стоит ли он у перил наверху.

Стоит. И мрачно наблюдает.

Это ж надо было так напиться, никогда в жизни больше не буду. Артём – мой первый блин, он определенно комом. Проститутке ни на секунду нельзя терять контроль над ситуацией, чтобы не пропустить красный флаг. Мужчины априори сильнее, опасность может возникнуть в любой момент.

Я же... искренне разделяю с ним праздник.

В какой-то момент меня вновь пытаются приобнять в танце. Ловко выскальзываю и отхожу на безопасное расстояние. Но парень упорно идет следом. Именинника наверху нет, ему надоело, видимо, следить. Я пугаюсь и спешу к лестнице! Там охрана, которая не пропустит постороннего на верхний ярус.

– Да постой ты, фея! – кричат вслед. – Давай познакомимся!

Ускоряю шаг и врезаюсь прямо в Артёма. Выдыхаю с облегчением. Он берет меня за руку и притягивает к себе. Я послушно обнимаю его, прижимаюсь к груди. Хорошо.

Некоторое время мы танцуем. Он – снисходительно-лениво, словно главный здесь гость. Я – вокруг него, радуясь,

что больше не одна. В какой-то момент Артём приподнимает мой подбородок и говорит:

– Пора домой.

В такси холодно из-за работающего на всю катушку кондиционера. Пахнет новой кожей и чистотой. Водитель смотрит вперед, молчит. Негромко играет радио. Артём обнимает меня, направляет. Я целую его шею. Веду языком по соленой коже, мягко, чтобы не оставить следов, посасываю. Его пальцы вжимаются в мое тело. Кровь несется по венам.

В какой-то момент отрываюсь и смотрю на Артёма. Он касается моих губ указательным пальцем, я машинально целую.

Следом слышу голос:

– Останови за знаком. Выйди покури.

Волоски дыбом. Меня вновь в жар швыряет, и кажется, что кондиционер резко выключился. Соображаю плохо и клянусь себе, что никогда больше на работе пить не стану. Дверь хлопает. Мир кружится. Ни за что на свете не стану пить. Паника, уязвимость. Никогда-никогда! Дыхание учащенное. Его запах и голос. Опасная близость. Негромкая музыка.

– Возьми у меня.

Он сам расстегивает брюки. Я глаза закрываю. Сердце колотится на разрыв. Новый вкус на языке. Крупная дрожь по телу.

– Давай будто ты не целка. Поиграли, и достаточно. Сей-

час я хочу быстро кончить.

Краска ударяет в лицо. Ему не нравится. Я стараюсь. Честно. Вновь ощущаю себя бесправной вещью. Неуверенной, потерявшейся. Безумные качели делают солнышко. Рядом оказывается глухая стена. Я насмерть разбиваюсь о реальность.

Следом делаю вдох, необходимый для жизни. Все кончилось.

– Пойдет. Позови водителя. – Артём застегивает ширинку.

Киваю и дрожащей рукой тянусь к ручке двери.

Глава 11

Артём пьет шампанское прямо из бутылки. Я сижу на каменных перилах, под задницей его бомбер, а позади – утопающая в рассвете столица. Артём совсем близко. Я обнимаю его ногами и слежу за тем, как дергается кадык.

Мы остановились подышать свежим воздухом и полюбоваться видом. Таксисту будет что рассказать коллегам после смены. Но беспокоиться об этом не получается. Есть вещи поопаснее.

Артём протягивает бутылку. Отказаться хочу, но не решаюсь, да и жажда мучает. Обхватываю губами горлышко, пузырьки лопаются на языке. Один вкус сменяется другим. Я тону в пороках и совершаю еще один глоточек.

– Красивая ты девка, – вдруг признается мой спутник. Наклоняется и произносит вполголоса: – Горячая. Свежая. Спасибо тебе за вечер.

Его манера разговаривать уже в который раз сбивает с толку. Или в прямоте дело, или еще в чем... но мгновенно душой расцветаю. И как-то запросто прощаю грубости.

Горизонт то и дело заваливается. Я вытягиваю руки в стороны и закрываю глаза. Лечу. Над городом. Над миром.

Артём наклоняется еще ниже и касается губами моей шеи. Бьет языком, проводит широким движением. Зажмуриваюсь сильнее. Он целует меня снова и снова. Пока дыхание не уча-

щается.

Его рука прижимается к моей промежности, Артём поглаживает ткань белья.

– Прополощи рот. Хочу тебя целовать.

Я смеюсь. Хотела тихо-мило, но выходит громко и от души. Он тоже улыбается.

– Помню-помню, даже после себя самого нужно вымыть вилку.

Полощу рот шампанским и выплевываю. Он тут же тянется. Губы слегка касаются моих. Артём чуть прикусывает мою нижнюю, и на целую секунду меня топит нежностью от этого чувственного движения. Следом он словно в себя приходит и продолжает как раньше – живенько. Так, что голова кружится. Держит крепко свободной рукой. Трогает.

– Вот что с тобой не так? – рассуждает вслух, выпрямившись. – Понимаю, что за деньги ты здесь, а отрываться не хочу. Вкус твой доставляет. – Он чуть прищуривается.

– Со мной всё так, – улыбаюсь. – Может, ты редко целуешься и забыл, как это?

– Больше не зашивайся.

Резко глаза вниз опускаю, на ремень. У Артёма переходы, конечно, нещадящие. Только расслабишься, и здравствуйте.

– Спасибо, я сама решу.

Осталось меньше часа, и попрощаемся. Навсегда. Чуток потерпеть, самую капельку, и параллельно станет, что там он обо мне думает.

Артём делает медленный вдох-выдох.

– Боль не должна входить в прейскурант проститутки, поняла, Галя? Я жизни тебя учить не собираюсь, выбор свой ты сделала, девочка взрослая. Потому мы здесь сейчас и находимся. Но что сказать хочу. Ты позволяешь поцелуи, бл**ски трахаешься, делаешь минет без резинки – этого уже достаточно. Пакет полный.

Он касается костяшками пальцев плеча, ведет по коже, отчего она покрывается мурашками. Хотя это от порыва ветра прохладного, наверное. Не собираюсь я больше проникаться к Артёму симпатией! Ни на секунду. Уже несколько раз за вечер обжигалась. Хватит, достаточно. Это только работа.

Мы смотрим друг на друга. Стоим в тени, рассвет только зарождается, может быть поэтому зеленые глаза кажутся совсем черными, как далекий, пустой космос.

– У тебя и так появятся поклонники. Будешь много зарабатывать. Аудиторию извращенцев, охочих до девичьих слез, оставь более отчаянным. Тебе это не надо.

Я не собираюсь слушать проповедь, хватит с меня детства и юности. Сыта по горло величественными речами. Потом все эти слова бессмысленными становятся, а поступки легко объясняются слабой плотью. Фу. Тошно.

Но голос Артёма звучит спокойно и отчего-то этим пьяным ранним утром внушительно. Не получается проигнорировать. Не хватает смелости возразить. Я нервно киваю. Ищу спасения в пряжке его ремня, которую снова разглядываю.

– Безопасность. Уважение. Абсолютная ясность. Запомни, пожалуйста. Это три кита, на которых стоит базировать любую противоправную или противозаконную деятельность. Раз уж ты на нее решилась. Хоть один кит дохнет – твой ответ должен быть отрицательным. Утонешь на фиг.

Опять киваю.

– Это не забота с моей стороны, не очаровывайся. Так, бесплатная консультация. Раз уж мы день вместе начали.

– Я знаю, что тебе плевать. Ты зря тратишь время, все это и так понятно. Я не дуручка.

– Болтать не хочешь, понял. Тогда, может, напоследок тебя еще разок вые*ать? – Артём приподнимает брови.

Прыскаю! Ну что за человек-то, на какой он должности? Такой сложный.

Нависает, пялится на меня. Понимаю, что осыпал комплиментами только что. Хам тот еще, но вещи сказал важные. Попробую обдумать завтра на трезвую голову. Мне как раз не хватало еще одного взгляда. Со стороны. Артём, может, и резок, но что-то подсказывает: попросту трепаться или лгать – не станет.

Сглатываю. Еще один раз с ним... боязно.

Смогу ли? Мне ж придется вернуться за пакетом в отель. Там туфли дорогие. Если накинется, что делать? Как вырваться из лап?

Артём бросает взгляд на часы и задорно улыбается. Помогает спрыгнуть с перил, берет за руку и тащит к машине. Я

едва успеваю прихватить его куртку, как мы бежим к такси, где греемся. Неотрывно смотрим друг на друга. Пялимся.

В голове пульсирует: «Я не сказала ему нет».

Артём галантно помогает выйти из машины, пропускает вперед.

Перестань очаровываться! Галина, Алина, кто ты там в данный момент?

Уже не понимаю. Измотанная бесконечной ночью и впечатлениями, выжатая до остатка, я торопливо иду за Артёмом в гостиницу.

Всю дорогу до лифта, а потом и в железной коробке он меня не касается. Мы шутим, перебрасываемся парой фраз. Даже не знаю, в какой момент исчезает напряжение. Артём лишь улыбается, бегло кивнув на камеру на потолке в углу.

Вот оно что: у него всё под контролем. Не настолько пьян, как может показаться.

Торопимся, пока идем по коридору, отчего пробивает смех. У Артёма он густой, хриплый, какой-то невыносимо притягательный. Ноги заплетаются, благо не падаю.

Щелчок замка. Заваливаемся в номер. Дверь хлопает, и становится темно. За окном рассвети успело, а мы будто урвали еще кусочек ночи. Растягивая день рождения.

Наедине опять. Дыхание сбивается.

Страшно, но при этом все почему-то иначе, чем несколькими часами ранее. Я не успеваю как следует обдумать,

что именно поменялось. Пульс по-прежнему зашкаливает. В полной тишине и темноте раздаётся прерывистое:

– Где ты тут? Иди ко мне, Галчон. – И через паузу: – Я соскучился.

Слушаю. Едва касаюсь груди Артёма, окутывает знакомый запах, расслабляет и будоражит одновременно.

Дальше вкус поцелуя. Крепкие объятия.

Темно здесь, хорошо, не стыдно. Артём что-то шепчет, потом за бедра меня подхватывает и к себе прижимает так неожиданно, что по инерции обнимаю ногами. Платье порыва не выдерживает и по шву громко трескается.

– О нет! Ты порвал мне платье!

– Да пофиг.

Смеемся, целуемся.

Пока Артём не впечатывает меня в стену. Пока не наваливается своим весом и не вжимает в себя, как пушинку. В этот момент смех обрывается. Я становлюсь невесомой, легкой, как перышко. Отрываюсь от земли. Лечу, лечу! В венах безумный коктейль. Мы страстно целуемся.

В жизни меня так не целовали. Не обнимали. Не трогали. Никогда такого не было, да я бы и не позволила.

Дышать в его руках не успеваю. Боюсь до смерти и... хочу продолжения.

Артём чуть отстраняется, позволяя коснуться ногами пола. Мягко ведет по моей промежности.

– Бля-я-ядь, – тянет в губы низко, глухо.

С таким мужским желанием, что в ответ я выдаю громкий протяжный стон. В рот его. Зажмуриваюсь. Как хорошо, что никто не видит. Не слышит. Что мы вскоре навсегда расстанемся.

Осознаю, что хочу его. Всем телом. Каждой клеточкой.

Больше не целуемся, только дышим. Пропитанные усталостью и безумием. Артём ладонь под мое белье протискивает, касается нежной кожи. Сумасшествие. Всхлипываю.

Он дышит шумно.

– Ты изумительна. Хочу тебя.

Киваю. У меня ведь нет выбора? Тогда почему бы не расслабиться? Он как-то умело трогает, а там все горит, пылает, позорно пульсирует. Запрокидываю голову.

Артём целует мои искусанные губы. Проводит языком.

Я ощущения через себя пропускаю.

Он говорит:

– Расслабься. Плохо не сделаю.

Снова киваю. В темноте не видно, наверное. Зацеловывает шею, грудь. Я обнимаю его и глаза закрываю, реагируя. Невозможно не реагировать. Просто не представляю, как с ним можно притворяться, он весь какой-то настоящий, а я ведь... девушка, чувствующая.

Мы обнимаемся, разжигая пожарище. Платье собрано на талии. Артём торопливо рубашку стягивает. Кожа горячая, гладкая... Хотя нет. Я нащупываю слева на спине шероховатости. Что это, шрамы?

Он не дает осмыслить. Спинай к себе разворачивает.

– Зажмурься, чтобы глаза не резало.

Свет яркий врубается – хорошо, что послушала. Глаза даже закрытые слезятся. Знакомый уже шелест фольги. Вновь близость его тела. Поцелуи. Артём ведет пальцами вдоль позвоночника, я дрожу то ли холода, то ли от нетерпения.

Проникновение. Ни с чем не сравнимое ощущение наполненности. Толчки. Быстрые, нужные. В этот раз всё понятнее. Жжется, но и приятно тоже. Очень приятно.

Артём увеличивает амплитуду, и меня пронизывает удовольствием. Вдруг кажется, что это свидание. Что мы напились и глупости творим – минет в машине, подростковые обжимания на смотровой, горячий секс в прихожей. Потому что терпения нет, в лифте камеры, а взглядов было убийственно мало. Представляю, что это могло быть в реальности. По любви. С таким, как он.

Он так меня берет, с таким честным кайфом, что ощущаю себя его близкой. Приподнимаюсь на цыпочки. Он берет меня, берет. Большой пьяный мужчина. Подумать – жутко, но я и не думаю. Ни о чем в этот момент не думаю.

Его рука держит крепко. Гладит по животу, а потом скользит ниже. Артём прижимает пальцы к моим точкам. И двигается. Двигается. Двигается в моем теле.

Безопасность – отсутствует.

Уважение – с натяжкой.

Ясность – абсолютная между нами.

Острый дикий кайф взрывается в паху. Я знаю уже – оргазм. Вот оно. Хватаю воздух, стараясь на ногах устоять. Выжить как-то. Пока Артём берет меня. Пока, навалившись, трахает. Трахает. Трахает. Понимаю внезапно, что молчу. А до этого кричала. Кричала от эмоций и удовольствия.

Сейчас безумно. Тепло, волшебно. Кажется, это мой максимум. Молчать о таком счастье хочется.

Артём резко выходит, рывком разворачивает к себе и, подхватив под бедра, вновь вдальбливается.

– Кто ты? – выдает в губы не то зло, не то пораженно.

Я все еще чувствую спазмы, и его, конечно, огромного. Держусь за плечи. Если бросит – так и рухну на пол. Глупая шлюшка.

– Блть. Что ты, девочка Галя?

Улыбаюсь, растерянно головой качаю. Он кончает очень быстро. Выходит из меня, впечатывается лбом в стену.

Я оседаю на корточки.

Обалдеть. Просто обалдеть можно!

Артём тоже подыскивает слова:

– Пряма душа от тела отлетела. Кайф. Да?

Я окончательно крышей еду. Как иначе после случившегося? Открываю рот и на полном серьезе произношу:

– Ты позвонишь? Выберешь меня еще раз?

Он выдыхает:

– Да уж наверное.

Идет в ванную.

Отдышавшись, я достаю из сумочки телефон – пятнадцать минут седьмого. Я вылезла за время. Была не обязана. Сумасшедшая. Просто сумасшедшая!

Глава 12

«Всё в порядке, еду домой», – отправляю Адель.

Такси бизнес-класса. Физически больно тратить столь огромные деньги на транспорт, но нарушать очередное правило Ади не осмеливаюсь. Да и вид у меня не для метро. Скорее бы переодеться.

«Как прошло свидание, милая?»

Закрываю глаза и сжимаю мобильный.

– Можешь остаться, вызову тебе такси утром, – сказал Артём после ванной. – Меня рубит.

Клюнул в щеку. Когда через пятнадцать минут, после душа и сборов, я напоследок заглянула в спальню, он крепко спал на животе, совершенно не беспокоясь, что в номере остался посторонний человек. Что я могу его ограбить или там... навредить как-то. Неужели настолько очевидно, что я не опасна?

Утренние лучи пробивались сквозь неплотно задвинутые шторы, слепили, Артём хмурился. Я подошла поближе, рассматривая его. Невероятная ночь, безумные приключения.

Русые волосы, щетина на лице, родинка на шее – зачем-то начала изучать детали. Задержалась на жутковатых шрамах на его спине – словно по коже металлической щеткой. А затем обожгли. Давно. Несколько лет назад, наверное. Стало жутко. Я провела по своей спине, пожившись.

О том, чтобы лечь с Артёмом, а потом вместе проснуться, не могло идти речи, разумеется. Но захотелось коснуться его напоследок. В этот момент экран лежащего на тумбочке телефона загорелся. Пришло сообщение от контакта с именем «Маша». Без фамилии. Я вздрогнула всем телом.

Пора было уходить. Быстрее. Плотнее задернув шторы, чтобы свет не мешал отдыху, я добавила градус на кондиционере, иначе можно и простудиться. На цыпочках выпорхнула в коридор. Еще раз удостоверилась, что ничего не забыла. В приложении как раз появилась надпись, что такси подъезжает.

Зеваю широко. Печатаю:

«Нормально прошло».

«У вас был секс?»

«Да».

«Отлично! Поздравляю, моя умница. Теперь отсыпайся, отдыхай. На вс запишу тебя к своему врачу».

«Хорошо, спасибо».

Пока бегу в общагу, плотно стягиваю края платья, дабы разрез не расходился. Жаль, здесь нет машинки, я бы сразу заштопала, и стало как новое. По шву порвалось, ничего страшного, но придется в ателье отдавать, опять деньги платить. Расходы меня с ума сводят.

Нитки не выдержала... так легко он это сделал, быстро. Во время горячих поцелуев. Меня пронизывает спазмом.

Опускаю голову, борясь с воспоминаниями. Ужас какой.

Девчонки встречаются кучей вопросов, я обещаю рассказать о своем новом... парне позже. Переодеваюсь, стираю белье, мою обувь. После чего, наконец, юркаю под одеяло. Нужно придумать легенду какую-то или... на время подработки снять жилье в городе. Если продолжу приходить под утро в таком виде, это непременно вызовет интерес. Может, они уже всё поняли?

Сплю тревожно. Моменты из ночи, – страшные, томительные, яркие, как вспышка, – кажется, они навсегда в нутро въелись. Снова и снова их проживаю. То лицо горит, то слезы на глазах. Возбуждение волной накатывает такое, что жарко, распаиваюсь, потом опустошающий стыд – я мерзну, кутаюсь. Опять по кругу.

Колени к груди притягиваю. Стыдно. Стыдно. Как же стыдно нестерпимо, что Артём всю меня видел, трогал. И что мне так сильно нравилось. Словно не я это была. Но тут уж не отмажешься.

Просыпаюсь ближе к вечеру, не отдохнувшая, с гудящей головой. Тело болит, хотя синяков нет. Стараюсь отвлечься чтением.

Навязчивое чувство, будто все вокруг знают о том, что я сделала, нервирует. Именно в этот вечер, как назло, встречаюсь с Динаром у магазина. Здороваемся. Он поговорить хочет, но я прошу в другой раз. Некогда. Он настаивает. Приходится сбежать! Динар милый, но какие теперь со мной отношения.

Следующее утро начинается с уборки – моя очередь. Я два часа трачу на то, чтобы комната блестела, готовлю девочкам суп. Затем начинаю собираться, потому что в десять у меня встреча... с женским врачом Адель.

Небольшая современная клиника, приветливый персонал, космические цены. Стараюсь вести себя естественно, внутри же всё сжимается. Я взрослый человек, который прекрасно знает, зачем нужно периодически посещать доктора. Но побороть внутренние противоречия вот так с ходу не получается.

Единственный раз я была на медосмотре в школе. Мама тогда узнала, прибежала, ругалась, словно нас там всех дефлорируют. «Нечего туда лазить, успеешь еще!» – возмущалась она, словно это мной придумано. Я краснела и бледнела, слушая. Не ходила, в общем, больше. Но безопасность – это кит номер один, как учил Артём. Поэтому включаю мозг и первый раз в жизни добровольно полностью обследуюсь. Узи, мазки. Подбираем средства контрацепции. Из кабинета выхожу пунцовая. Трудно это все, конечно. Мои маленькие подвиги.

Стресс на них, впрочем, не заканчивается. Потому что в обед мы впервые за все время встречаемся с Ади. Наедине. Без Наиры.

Только Адель и я.

Нам предстоит обсудить то, что произошло ночью в гостинице. Кроме того, Адель должна передать мне деньги на-

личными. А я... дать ответ по поводу дальнейшей работы.

Глава 13

Адель сама выбирает кафе, скидывает адрес. Я приезжаю заранее и некоторое время жду за круглым белым столиком на террасе, люблю обстановкой.

Красиво здесь. И люди вокруг тоже очень красивые. Приятно среди них находиться.

За угловым столиком завтракает милая девушка с коляской и спящим у ног корги. Читает бумажную книгу. Яркая, стильная, она явно получает удовольствие от своей чашки кофе и... жизни. Некоторое время я не могу оторвать от нее восхищенных глаз, пока не слышу знакомый голос.

– Моя дорогая, привет! – Адель окутывает ароматом изысканных духов, обнимает. – Я опоздала, да? Прости, не специально!

– Вовсе нет. Я только пришла.

Мы расцеловываемся в щеки и присаживаемся. Погода замечательная: нежарко, безветренно. Адель в стильном брючном костюме, черном топе. Пару минут я изрядно нервничаю, но едва она начинает говорить, как-то незаметно расслабляюсь. Наира права: с Ади спокойно.

– Как ты, милая? Рассказывай все.

Некоторое время мы шутим, обсуждая поход к врачу.

– ...Тогда Ольга Леонидовна заявила, что у меня трудолюбивые яичники и красивая матка. И вот-вот «случится

шикарная овуляция, до слез жалко ее терять», – цитирую я со смехом. – Так меня еще не хвалили. Но вообще, это генетика, наверное. У меня скоро родится восьмой брат или сестра.

Не знаю, зачем рассказываю о себе, обычно я так не делаю. Община смущает окружающих. В компании начинается или отторжение, или дождь из нелепых шуток. А тут сама откровенничаю. Само собой выходит, Адель благодарный слушатель. Мы недолго говорим о моей семье, затем возвращаемся к теме.

– Галюсь, будешь навещать Ольгу Леонидовну, она в беде не оставит. Отличный специалист, все мои девочки к ней ходят. Что по работе. Та-ак. – Адель снимает блокировку с телефона. – В пятницу у тебя снова Ричард. Не знаю, что ты там делала, но дедуля весь телефон оборвал!

Я краснею.

– Танцевала, – пожимаю плечами. – Ему было одиноко. Он... рассказывал мне о жене. Она была хореографом, оказывается. Ричард показал видео с ее выступления, я примерно повторила. Он расплакался. Мне кажется, он немного не в себе. Все принимает близко к сердцу.

Адель быстро вытирает уголки глаз, растрогавшись.

– Ностальгия. Дети за границей, работа с утра до ночи, здоровье подводит. Что еще остается? Ты его радость, Галюсь. Его отдушина.

Да, эскорт – это не только секс. Кто-то обращается к нам

от одиночества. У кого-то просто нет времени на отношения или дружбу. Разные обстоятельства.

– Наверное. Не знаю. Может быть, – медлю, подбирая слова. – Я... честно говоря, не понимаю, за что он платит. Я бы и просто так с ним поужинала и поболтала. Он очень интересный человек. – Понижаю голос: – Спокойный, добрый. Жаль, что ему одиноко.

– Галь... – Адель делает глоток воды, – помнишь, о чем мы с тобой говорили? Ты ухожена, твоя красота натуральна, как цветы весной, а кругозор – широк. Тебя захотят себе позволить как нечто особенное. Но вся магия исчезнет, если начнешь заниматься благотворительностью. То, что доступно всем, больше не интересно никому.

– Да, я понимаю. Чем меньше клиентов, тем дороже. Меня это полностью устраивает. Я ведь тут временно.

– Разумеется. Моя задача – направить тебя на правильный путь, и я от нее не отступлю. Значит... эту неделю отдыхай, пусть все заживет как следует. В пятницу Ричард, уважишь старика. В выходные я позвоню.

– Хорошо.

– Твои деньги за пятницу. – Адель достает конверт из своей сумки и ловко кладет в мою. – Пересчитай.

Проваливаюсь сквозь землю от позора. В этот момент на меня будто вся семья смотрит. Дядя хватается за сердце.

– Уверена, там всё в порядке.

– Сразу упоминаю, что вычла стоимость посещения врача.

Платье, туфли и белье от меня в подарок.

Я краснею уже как вареный рак. Чувствую себя примерно так же, но лицо держу. Рядом с Адель в этом прекрасном месте хочется выглядеть максимально достойно.

Некоторое время мы обедаем. Когда официант забирает тарелки и приносит кофе, я слышу собственный голос:

– Он не звонил?

Выдаю словно на автомате. Не хотела, не собиралась, цель не ставила. Рука сорвалась и нажала на курок. Выстрел. Тишина. Вдох-выдох.

– Кто? – Адель искренне не понимает.

– Артём. Не звонил насчет меня?

– А... Нет. Уверена, он доволен. Они редко пишут отзывы. Тебя что-то беспокоит? Он был груб? За Артёма поручился один мой постоянный клиент, поэтому я была уверена, что все пройдет хорошо. Если нет, скажи, я отмечу его как неблагонадежного.

Округляю глаза и впиваюсь ими в тарелку. Сложновато обсуждать такие темы спокойно. Надо привыкнуть.

– Он словно не знал, что я девственница. И вообще удивился, когда меня увидел.

– Это же был сюрприз. Но не отказался же?

– Нет.

– Славно. Никто бы не отказался. Ты особенная девочка, изумительная. – Адель убирает прядь волос мне за ухо. – С отличной маткой.

Смеюсь. Обстановка разряжается.

– Спасибо. Я хотела уточнить... Кем работает Артём? Кто он по профессии?

– Зачем? Милая, мы не преследуем клиентов, не пишем им, не маячим в их реальной жизни. Никогда.

– Нет-нет! – спохватываюсь. Пульс тарабанить начинает. – Я бы в жизни ему не стала писать или искать встречи... ни за что. Наоборот! – Захлебываюсь стыдом, эмоциями, возмущением. – Просто узнать. Ричард – финансист.

– Артём тебе понравился? – улыбается Адель.

– Нет. Он... конечно, симпатичный. Но и всё на этом. Я хотела убедиться, что мы как раз не пересечемся на работе. Помнишь мою просьбу?

– Это исключено, Галь. Я же дала тебе слово. Никаких судей, прокуроров, ментов и прочее.

– Знаю. Но это первый клиент. Мне нужно убедиться самой. Это важно. Я тоже в свою очередь даю слово, что не буду слать ему любовные послания и орать под окнами. – Закатываю глаза. Чувствую обиду неясного характера.

Жалкая просьба Артёму выбрать меня еще раз возникла в порыве экстаза. Хорошо, что он ее проигнорировал. Так лучше. Наверное.

Все к лучшему.

И тем не менее я ждала, что он позвонит. Мы много смеялись, целовали друг друга. Не думаю, что так со всеми клиентами. Казалось, между нами случилось что-то... не знаю...

Это был не просто секс. Нечто большее. Хотя с каких пор секс считается чем-то простым и обыденным? Похоже, я совсем запуталась.

Адель размышляет пару секунд.

– Ладно. В качестве исключения, зайчик: Артём Иванович Истомина. В Москве недавно, вся тусовка у него в Питере. Трудится на хорошей должности в администрации. Контроль чего-то там, много сложных умных слов. Мое кредо: меньше знаешь – крепче спишь.

– О. Поняла. Вот как. Значит, чиновник он... Ого-го! Чиновник! Истомина... Эм, а это не сын того самого Истомина, который баллотировался? Ади, он же не идет по стопам отца?!

Глава 14

Руки сами тянутся к телефону. Гуглить, гуглить, гуглить. Сдерживаю себя.

– Галя, чиновники, бизнесмены, актеры... – все они просто мужчины, когда обращаются к нам. Обычные мужчины со своими мечтами, страхами и надеждами. Что бы ни произошло в карьере Истомина, хоть мэром он станет, хоть президентом... Ты ведь понимаешь, что этой ночью его в том отеле не было?

– Понимаю, конечно. И меня тоже.

– Умница.

Меня там тоже не было. Просто пустой номер, из которого летели искры. А сейчас за столиком пустой разговор, заставляющий сердце ускорять биение, а ладони потеть.

– Даже если вы случайно встретитесь через пять-десять лет, Истомин тебя не узнает. Или сделает такое лицо, словно видит впервые. Уж поверь моему опыту. Это не те ребята, которые хвастаются приключениями. Ничего между вами быть не может.

– Знаю. Теперь уже точно нет.

Госслужащий и проститутка. Вот такая драма. В глубине души я надеялась, что он занимается каким-нибудь бизнесом.

Артём не позвонит Адель, потому что не захочет мараить

репутацию. Меня ему подарили. Он к сделке отношения не имеет. Сделать шаг самому... уже рискованно.

Пока иду на остановку, на сотовый падает сообщение от дяди. Я удаляю, не читая. Потом, когда уже из автобуса выхожу, не выдерживаю и звоню маме. Она не берет. С головы до ног прокатывается тревога. Выбираю контакт брата. Давай же, давай!

К счастью, Дима отвечает сразу же.

– Привет, систер! – Веселый, бодрый голос моментом берет в теплые объятия. – Ты по делу или так, потрещать о чепухе?

– Привет! Всё вместе. Слушай, мне дядя пишет-пишет, я удаляю. Он снова пишет. Может, там что-то важное? Как мама?

– Хм. Час назад была в полном порядке. Носится по дому, строит всех.

– Слава богу! – выдыхаю. – Ей же врачи запретили беременеть, я волнуюсь. Она когда трубку не берет, сразу всё, конец света.

– Ей еще пять детей назад запретили, и чего? Бог с нами.

– Бог с нами. Тревожная я стала, Дим. Прости, если накручиваю.

– Всё у нас в режиме, Алиш. Женя тоже в порядке, чувствует себя отлично. Малышня по кружкам-секциям с утра. Ася на танцы пошла.

– Уже? Ей же три только!

– Три с половиной. Фотки уматные, я тебе скину попозже. Ты же знаешь ее характер! – Димка хохочет. – Заявила, что будет танцевать камешек, легла на колени и замерла. Что бы Людмила Игоревна ни делала, Ася не пошевелилась.

Людмила Игоревна преподает балет и другие направления в нашей общине. Я тоже к ней ходила, потом уже, лет с девяти, в городе занималась.

Смеюсь до слез, представляя нашу упрямую малышку.

– Как же я по вам всем соскучилась!

– Приезжай. Но имей в виду: моргнуть не успеешь, на тебя фату напялят.

– Не напоминай, Господи!

– Не поминай всуе. Кстати. Ты больше не общалась с запрещенными людьми? – продолжает Дима.

Голос звучит шутливо, но я знаю, что это напускное. Дима имеет в виду Виолу. Она узнала о беременности Жени и переехала в Москву, чтобы теперь уже точно начать новую жизнь. Мы виделись не так давно, и о встрече узнали в общине.

– С тех пор нет, но я обязательно позвоню ей.

– Спасибо. Передашь от меня немного денег? Я тут... отложил, шабашка была. Виола меня видеть не хочет, это понятно. Но я... не представляю, как она одна там. Думаю все время.

– Конечно, передам. Никому не скажу, не беспокойся.

– Спасибо, систер. Мне пора. Грешу дальше, пока мо-

жешь.

– Слушаюсь, мой капитан!

Вернувшись в общежитие, я рассматриваю фотографии Аси, нашей самой младшей сестренки. Последние роды мама пережила плохо, два месяца провела в больнице, и малышку забирали мы все. Ася стала полностью моим ребенком, первые полгода мы даже спали вдвоем, я привыкла к ней как к своей!

Станцевала камешек. Смеюсь! Это в ее духе. Следом вспоминаю лицо дяди во время нашей последней ссоры и качаю головой. Безумие. Они не имеют права указывать мне, с кем общаться. Разрушили личную жизнь Диме, теперь того же мне желают. Свадьбу требуют. У меня кроме семьи нет никого, но и согласиться я не имею права. Слишком много сделала ради цели. Если родные узнают, как заработаны последние деньги, они меня просто... не знаю... прибьют?

Чтобы отвлечься, открываю браузер и ввожу в строку: «Истомин Артём Иванович». Щелкаю по кнопке поиска.

Информации немного. Социальных сетей, разумеется, нет, зато есть карточка на сайте администрации. С фотографией! Вау. Господи, ну у него и взгляд, конечно. Этот парень на всех смотрит, как на проституток.

Прыскаю.

Либо так, либо второй вариант – на меня Артем смотрел как обычно: внимательно, чуть раздраженно.

Хей, парень, я уже не удивлена, почему мы тридцать три

встретили вместе!

Снова хохочу сама с собой, вспоминаю веселые моменты – вот ведь дурочка!

Та-ак, кто ты у нас, красавчик, запихавший в меня раскаленную дыню...

Старший специалист – ну это понятно, самый главный. Завязан на контроле по поводу незаконного строительства, нарушений санитарных норм. Ску-ко-та. Вот почему такой душный и упрямый. Представляю, какие деньги крутятся в столице, с какими людьми работает.

Зам Трусова. Эта фамилия мелькала в разоблачениях пару лет назад. Денег у семьи – океанище. Волоски встают дыбом. Истомины тоже далеко не простые.

Откладываю мобильный.

Ади права, хорошо, что я не знала, кто такой Артём. Иначе бы пялилась на него во все глаза.

Снова хватаю телефон, не могу остановиться! Одну за другой статьи открываю, где хотя бы вскользь упомянута его фамилия. Самая свежая с заголовком: «Садику в Александровке быть! Администрация встала на сторону жителей».

Быстро пробегаю глазами. Ага, застройщик взял землю, планировал построить детский сад, но получился у него... случайно фитнес-клуб. Бывает, что ж. Не переделывать же? Застройщик решил через суд расторгнуть договор и перевести в коммерцию, а потом продать за бешеные бабки. Но не

вышло: администрация обратилась в прокуратуру.

Есть даже видео с конференции! Включаю ролик – Артём Иванович... ох, тот самый, который со мной вот на днях водку пил в обнимку... Господи, как зябко-то от одной мысли!

Так вот, этот самый хам Истомин в костюме и пальто выступает прямо на улице перед СМИ. Его окружают горожане, которым позарез нужен сад, – на огромный район ни одного. Они смотрят на Артёма как на спасителя. Одна женщина плачет: нет возможности работать, детей в ближайший сад возить – два часа в одну сторону.

Артём же стоит впереди всех, уверенно говорит в камеру, сыплет терминами. Внешне спокойный, но напряжение в жестах и мимике чувствуется. Всем видом своим он предупреждает: лучше не перечить. Настроен на битву. Он уже обсуждал ситуацию с прокуратурой, дело в суде. Мурашки бегут, и я потираю плечи.

Очевидно, что отдувается перед камерами за кого-то.

Обычно такие спецы максимум письменно уведомляют, а тут Артём Иванович соизволил поучаствовать, взял ситуацию под личный контроль. Ай-ай! Боюсь, за фитнес-клуб давно было кому-то уплачено. Много денег. Теперь у детей будет пара бассейнов.

Смело.

Благородно.

Я бы сказала: нагло. В его духе.

Да ты, оказывается, милый, Артём Истомин! Только с ви-

ду Злодеус Злей, а сам на стороне мам и детишек! Кто бы мог подумать? Тебе, наверное, откат предлагали, а ты... честный. Интересно, в Москву тебя сослали в наказание за этот финт или ты где-то опять добился правды?

Больше любопытной информации не нахожу. Есть несколько статей на тему аварии, в которой погибли его отец и брат и чуть не погиб он сам, но на этом всё. Несчастный случай. Возможно, шрамами Артём обзавелся именно в тот раз. Лет пять с тех пор прошло. Кажется.

Пересматриваю трехминутный ролик раз пятнадцать, прежде чем вновь отложить телефон и зажмуриться. По образованию Артём юрист, поэтому мне, видимо, и понравился. Чую я их, тянусь неосознанно. Занимается контролем, мотается на объекты, в суд. Идеальная жизнь. Вот бы мне такую.

Смешно выходит. Благодаря проституции я познакомилась с Артёмом Истоминым. И благодаря ей же – поставила крест на нашем дальнейшем общении. Очень смешно. Обхохочешься.

Едва я думаю об этом, звонит сотовый.

На экране надпись: «Адель». Странно, обычно Ади не беспокоит без надобности. Я быстро присаживаюсь на своей шатающейся раскладушке. И, поймав равновесие, принимаю вызов.

Глава 15

Артём Иванович

– У него важный разговор, Артём Иванович!

Секретарь подпрыгивает с места, оббегает стол и устремляется ко мне. Но едва мы глазами встречаемся, она лишь мило улыбается и разводит руками.

Ну и что было ломать комедию, лететь с флагом?

Ровно три стука в дверь, после чего захожу в кабинет.

– День добрый, Максим Андреевич.

– Я по телефону говорю, Истомина. – Трусов зажимает микрофон сотового и смотрит раздраженно. – Занят.

– Говорите, я не спешу.

Прохожу по кабинету, падаю на диван, беру журнал и принимаюсь лениво листать. Неплохо Трусов тут устроился. С видом даже, хера себе.

– Я надолго, это заммэра.

– Хоть до утра, я ж в отпуске. – Закидываю ногу на ногу.

Впрочем, архиважный вопрос решается быстро: через минуту Трусов уже убирает мобильный. Складывает руки на столе, смотрит в упор. Я взгляд выдерживаю, готовый внимательно слушать.

Трусов дергается.

– Нервный ты стал, Артём. Тебе жениться нужно и в отпуск. Хотя бы в отпуск. Поезжай, – машет руками. – Ты был на ГОА? Йога, медитация, веганский укроп пять раз в день. Научись стоять на голове. Давай! Повелеваю оторваться и перезагрузиться!

Приподнимаю бровь:

– Макс, ты меня избегаешь?

Трусов – мой непосредственный начальник, но, когда наедине общаемся, мы на равных. Учились вместе, он меня на работу потом протасил. Работаю, правда, теперь за двоих, но и не жалуясь. Никто годами не жаловался.

– С чего ты взял?

– В командировку отправил. Не успел я вернуться, на столе подписанное тобой заявление на отпуск. Да и секретарша твоя, Алёнушка, уверяет, дескать, начальство смертельно занято. Ты помираешь или, блть, тупо прячешься?

– Ты сам просился в отпуск!

– Все поменялось! Макс, что происходит? Тебя все еще е*ут за фитнес? Так без шансов было, я тебе сколько раз говорил: ты если людям обещаешь, то хотя бы советуйся! – повышаю голос и всплескиваю руками.

– Можно было как-то загасить! – Он вскакивает с места, делает почетный круг по кабинету. – Ты, блть, геройски себя повел, а на карандаш нас обоих взяли как неблагонадежных сотрудников.

Смеюсь громко, запрокинув голову.

– Я жопу твою спас, придурок.

– Моей жопе было хорошо в прежнем кресле.

Где у него вся семья рядом, квартира, автопарк. Тут люди новые, страшно, некомфортно. Понимаю, но что поделаешь?

Смирись.

– Короче, Артём, свали с глаз недели на две. Я утрясу все, налажу с людьми отношения. Все будет нормально, но богом молю, исчезни пока. Бесишь. Вот смотрю на тебя, понимаю, что прав ты был, но бесишь!

Я снова смеюсь. Беру себя в руки и продолжаю спокойно:

– Хорошо. Я уеду из города. Может быть, из страны – подумаю. Недели на две. Ты один точно справишься? Макс, мы всё сделали правильно. Ты понимаешь это? У детей будет садик, в районе потребность закрыли. Застройщик твой о*уевший вконец был.

– У меня все было под контролем. Я отбыл на море на неделю, а ты устроил гонения на ведьм.

– Тебя бы посадили.

– Знаешь, какая между нами разница? Я фаталист. Верю в судьбу. Как будет, так будет. Ты – все время пытаешься что-то поменять. Иногда я тебе сочувствую, но иногда хочу прибить.

– Выгони. Я накатаю по собственному. Подпишешь?

Удобно быть фаталистом, когда окружил себя думающими людьми.

– Твою ма-а-ать! По-человечески прошу, отдохни. Вся эта ситуация с Марией на тебя действует нездорово, ты крови хочешь, по глазам вижу. Но давай не на работе! Или хотя бы не так громко! Визги СМИ до сих пор в ушах! Эхо надолго останется.

– Хорошее же эхо. Мы доброе дело сделали.

Я подхожу к окну, бью пальцами по подоконнику. Вид отсюда славный, ничего не скажешь. Мой кабинет на этом же этаже, но напротив. Совсем другая картина.

– Кабинет мой нравится? – Макс как чувствует.

– Не особо. Мне в своем было нормально, а тут снова куда-то ехать.

– Добрые дела наказуемы, – хохочет он, хрюкнув. – Да и спорно это все. Люди ждали фитнес, хотели укрепить здоровье. Теперь болеть будут, чахнуть.

Качаю головой. Молчу.

– Ладно. Нам всем нужно выдохнуть, после чего продолжить делать добрые дела. И зарабатывать деньги.

Я оборачиваюсь:

– Тебе на жизнь не хватает?

– Ты меня беспокоишь.

Замечаю в углу поблескивающую монету в пять рублей. Подхожу, наклоняюсь и поднимаю. Подкидываю, ловлю ловко. Загадываю орла. Вновь подкидываю до потолка, ловлю. Накрываю ладонью.

– У тебя деньги валяются где попало. Ты в курсе?

– Брось, уберут вечером.

– Вот потому тебе на жизнь и не хватает, Макс. Денежку нужно беречь. – Поднимаю ладонь, там «орел». Усмехаюсь. – Знаешь, как говорил мой отец, когда я был пацаном? Маленькую денежку расстроишь, большая – обидится. И не придет.

– Ты энциклопедия народных мудростей. Запишу себе в блокнот.

Хлопаю Макса по плечу и направляюсь к выходу.

– Я уеду. Будут вопросы по моим или твоим делам, почту и номер телефона знаешь. Я всегда онлайн. И будь другом, не натвори ху*ни. Я твоим родителям за ужином клятвенно обещал, что ты будешь жить долго, сыто и счастливо.

– Незаменимых нет, ты ведь в курсе?

Показываю ему средний палец. Разгрести дерьмо, которое Макс мне оставил, укатив на острова, было настоящим подвигом. Переметнуться на сторону прокуратуры мы успели, документы подделали, состарили, в суде прокатило. Но моментами было жутковато. Не такие уж огромные деньги, чтобы так рисковать.

Трусов окликает у выхода:

– Куда поедешь-то?

– Ноль идей. Это первый отпуск дольше трех дней за пять лет.

– Бедная Маша. Она в обморок упадет, когда тебя увидит. Я пожимаю плечами. Не исключено. Тут предугадать

сложно.

Заканчиваю со срочными бумагами. Передаю долгие дела.

Странное чувство. Отпуск. Раньше время было и желание, постоянно хотелось куда-то ездить, что-то узнавать, пробовать. Легкие на подъем друзья, преданные девушки. Братишка. Походы, дайвинг, скалолазание.

Потом я стал избегать всего этого. Да и некогда. Вроде как.

– Да, Артём Иванович, конечно же! Простите, я случайно! – тараторит моя помощница.

– Аня, успокойтесь, всё в порядке. Вы чего так нервничаете? Я же не ругаюсь, а объясняю, как и что сделать в мое отсутствие.

– Простите, пожалуйста! Я сейчас подойду! – Она быстро вытирает глаза и убегает.

Смотрю вслед, моргаю. Нормально же разговаривали. Наверное, и правда пора проветриться: люди от меня шарахаются.

Человеку жизненно необходимо работать, чтобы занять время и мысли. Не оставлять их свободными. Иначе начинаешь изрядно много думать на тему: что хорошо, что правильно, а что, в действительности, не очень.

В чем, собственно, смысл жизни?

В деньгах? Успехе? Семье, детишках? А х*й его знает, нам всегда мало. Когда море свободного времени, глубокий конфликт вулканом вырывается наружу, а вместе

с ним куча негативных эмоций. Заглушить их как? Алкоголь – депрессант, отпадает. Трава, порно? Недавно обнаружили связь между ощущением неудовлетворенности от жизни и количеством просмотров Порнхаба. Короче, от скуки мы дрочим и лезем на стену, усугубляя положение.

А Трусов, мать его, предлагает мне отпуск!

Ладно.

Младший братишка играл на всех музыкальных инструментах, которые существуют, ненавидел, когда его называли Маркушей, и всегда знал, где и как можно отлично провести время. Что ж, иногда без тебя скучно жить, Маркуша.

Итальянскую кухню я люблю, но в самую Италию ехать категорически не хочется. Заказываю кофе в МакАвто и открываю телеграм. Михаил прислал контакт дамы, через которую можно повторить... день рождения. После чего я кинул его в черный список, придурка. Надо понимать, с кем и когда уместно подобное общение.

И все-таки.

Размышляю минуту и нажимаю кнопку вызова. Берут практически сразу же.

– Добрый день. Это Адель?

– Да, все верно. Здравствуйте, Артём! Как вы поживаете?

Я ждала вашего звонка.

– Почему?

– Нам всегда перезванивают.

Хмыкаю. Какие дешевые речи. Примитивно, скучно. Бес-

смысленно.

– Окей. Я бы хотел увидеть Галину.

– Увы, это невозможно, Галя востребована и... занята.

Но у нас есть еще варианты!..

Злость вспыхивает, раздражение волной ошпаривает. Блть, я точно нуждаюсь в отдыхе, потому что в данный момент нестерпимо хочется посадить воркующую сутенершу на много-много лет. Жаль, больше не работаю в органах. Впрочем, связи-то остались. Сука, ладно. Успокаиваемся. Шлюхи – вариант стремный, но Галя хотя бы выглядит чистой.

Я произношу почти спокойно:

– В смысле занята? Пусть освободится. Я не вижу проблемы.

Глава 16

Полторы недели назад

Это такой стресс, что справиться невыносимо! Я подпрыгиваю с раскладушки и начинаю метаться по комнате. Веселый голос Адель звенит в ушах:

– Да-да, зайчик. Я была под таким впечатлением от нашего сегодняшнего разговора в кафе, что... кое-кому позвонила и оплатила твоё обучение на год вперед!

– Сегодня же воскресенье. Как?! – не верю. Ушам не верю.

– Это неважно, у меня везде есть крошечные связи. В общем, не переживай, ты у меня умничка, будешь продолжать учиться, ни о чём не беспокоясь. Через много лет, может, вспомнишь, сидя в собственном кабинете, тетю Ади добрым словом.

– Сумма огромная. Может... расписку дать?

– Посмотрим. Увидимся на неделе и решим. Я собиралась тебе при встрече сказать, но не выдержала! Завтра можешь позвонить в деканат, убедиться.

Морозец по коже. Я остаюсь в столице. Продолжаю учебу. Зимой меня ждет юридическая фирма!

Эйфория достигает максимума, я подпрыгиваю на месте и горячо благодарю от всего сердца:

– Спасибо, огромное тебе спасибо! Это очень важно для меня!

– Знаю, детка.

– Я всё верну до копейки!

Ади смеется.

– Лучше скажи, Гала, как ты себя чувствуешь? Уже не кровит?

– Эм. Немного, если честно.

– Отлично. У меня есть один приятный мужчина, который никогда не был с девственницей. Если поехать сегодня, то можно всё обыграть... в общем, правду знать никому не обязательно. Ему будет приятно, порадуем человека.

Эйфория мгновенно сменяется паникой. Я только что пересматривала видео, любовалась Истоминым. И прямо сейчас ехать к кому-то... другому?! Вот этим самым вечером? Леденею.

– Нет, Ади, прости. Мне будет больно, а... боль не входит в мой прейскуронт. – Понимаю, что цитирую Артёма. Само собой получается.

– Уверена? – Адель называет сумму.

Я зажмуриваюсь и качаю головой, произношу:

– Хватит мне прошлого раза, чуть глаза не полопались.

– М-м-м, понимаю. Тогда отдыхай, движемся по плану!

Помни, что в универе ты остаешься при любом раскладе.

– Не знаю, как тебя благодарить.

– Своих девочек я в беде никогда не брошу.

– Крем для тела за четыре тысячи?! – не сдерживаюсь я, вертя в руках яркую бутылочку. – Эта работа точно не в минус?!

Уж не знаю, дело в моем искреннем изумлении или еще в чем, но следом грохает хохот. Девчонки головы запрокидывают и смеются. Наира хлопает меня по плечу и хвастается:

– Я же говорила, она лучшая! Юмор на высоте! – Потом добавляет мне: – Аля, это очень-очень хороший крем. Кожа просто сияет. Возьми, попробуй. Да возьми ты! Со скидкой же. Позволь себе каплю роскоши.

– Нет уж, спасибо, я морально к таким тратам не готова. Вообще, очень на развод походит. Из чего он? Из крови Христа?

– Она всему научится, – оправдывает меня Наира. Среди ее приятельниц и... коллег я недавно, девчонки позитивные, веселые. – Человек всегда жил по средствам.

На самом деле, мы классно проводим время в торговом центре, покупаем одежду, сумки, обувь. Много всего меряем, хвалим друг дружку. У меня никогда подобного не было, обычно я донашивала одежду за маминой сестрой, у нас схожая комплекция. Потом начала подрабатывать и кое-что себе покупала новое. Но подобный шопинг в новинку. Весело!

Я уже потратила отложенные под это дело средства и поэтому просто хожу за девчонками, изучаю их выбор. Деньги летят – просто ужас. Решительно выкладываю из корзинки этот крем за бешеные деньги, но Наира упорно сует мне его обратно.

– Возьми. Не пожалеешь.

– Бери, Галюсь! Даже не сомневайся!

Когда плачу на кассе – уши горят, пылают. В глубине души, конечно, хочется попробовать. Такие отзывы, восторги! Магазин красивый, в бумажный пакет кладут столько пробников, что на год хватит. Сердце безумно колотится – вот это трата! Чувствую себя особенной, нужной, прекрасной!

Потом жалею весь оставшийся вечер. Убиваюсь, чуть не плачу. Безумие. Разве он столько стоит? Пахнет – да, изумительно. На кожу приятно ложится, но боже... Четыре тысячи за крем?!

Ближе к ночи вновь звонит Адель и спрашивает, как я себя чувствую. Прошла неделя после свидания с Ричардом, я успела прикипеть к этому клиенту и в глубине души жду новой встречи. Переживаю, как он.

Вообще, теперь мы с Ади созваниваемся ежедневно, она неизменно интересуется, что делаю, какое настроение. Вплоть до того, что ела сегодня. У меня с мамой не было столь тесных отношений. Хотя в глубине души я осуждаю то, чем занимается Адель, но отдать ей должное – у нее всё под контролем.

– Неплохо, спасибо, – говорю с улыбкой. – Как ты? Как там Рич?

– О, я чудесно! Весь день на ногах, правда. Только каблуки скинула. Как же это прекрасно! Ричард в Штатах еще неделю, не теряем. Гала, в субботу будет презентация. Мне бы хотелось, чтобы ты на ней поприсутствовала. Как думаешь, получится?

– В эту субботу?

– Да.

Это завтра.

Я быстро опускаю глаза и выхожу из комнаты. Встаю у окна секции, понижаю голос:

– И что там будет? – Голос слегка дрожит. Неделю удавалось отмазываться, но вечно это делать не получится. – Что надеть?

– Плохо слышу, ты так шепчешь...

– Девочки в комнате, я вышла в секцию.

– Надо срочно подыскать тебе подходящую квартиру! Так невозможно же, милая.

Голова кружится. Кремы, квартира... траты нарастают как снежный ком. Тут же начинаю нервничать. По лестнице спускаются Вера и Соня, бросают в меня насмешливые взгляды. Демонстративно крестятся и сплевывают через левое плечо. Затем хохочут. Отворачиваюсь, не смотрю на них, игнорирую.

Соседки почти сразу выяснили, что я из религиозной се-

мьи, что у меня куча братьев и сестер. Нашли мои книги, которые мама положила. Библию с пометками. Я стала посмешищем. Хорошо, что удалось переехать.

– Галя? Ты здесь?

– Да-да. Я думаю, пока не стоит беспокоиться о квартире.

– Было бы удобнее.

– Пожалуйста, – поспешно перебиваю, – не нужно. Я хочу быстрее с этим закончить и стать свободной.

На мне долг почти в полмиллиона. Расписка у Адель. Я... не хочу добавлять к этой сумме ни копейки.

– Как можно быстрее, – повторяю.

– М-м-м, – тянет Ади. – Хорошо. Тогда презентация мило. Есть вариант неплохо заработать за одну ночь, даже с моей комиссией это будет почти треть суммы. Там ничего такого, твой стандартный пакет.

– О, отлично.

Треть суммы. То есть, теоретически, три ночи – и я свободна. Дыхание учащается, ладони потеют. Храбрюсь изо всех сил. Я должна ей деньги, назад нет дороги. Никто никогда не узнает. И все же... медлю. Молчу.

– Если ты готова, – проговаривает Адель.

– Да куда уж с подводной лодки! Перед смертью не надышишься.

– Все будет хорошо, обещаю.

– Только... Адель, я даю слово, что в последний раз спрашиваю. Прости, пожалуйста. Артём не звонил?

– Какой Артём?

– Тот самый. Который в администрации.

– А! Ты опять про Истомина? Да, звонил вчера.

Сердце падает в пятки. У Артёма обалденная подпись, я видела пару документов в сети. Сложная, красивая, уверенная. Пыталась повторить – почти получилось. Процентом на семьдесят.

– И? Что хотел?

– Что и все остальные. Попросил девочку, получил. Всё в режиме.

«Получил». Сердце лопается, ошметки в стороны.

Дикое, чужеродное чувство когтями в горло вцепляется, мне дышать тяжело, прижимаю ладонь ко рту и опускаюсь на корточки. Часто моргаю, влажные дорожки по щекам, на губах вкус соли. Выдавливаю:

– Обо мне не спрашивал?

– Нет. – Долгий вздох. – Зайчик, Артём попросил другую, сделал на этом акцент. Но дело тут не в тебе. Такие, как он, никогда не заказывают одну и ту же девочку дважды, чтобы не привязываться. Если только сильно зацепишь, хотя это большая редкость, надо из кожи вон вылезти. Отношения без продолжения.

Быстро вытираю щеки. Понять не могу, почему так больно? Мы чужие люди. Кажется, что меня ударили.

– Поняла.

– Не принимай на свой счет. Так что насчет вечеринки?

Она уже сегодня.

– Я буду. Надо быстрее с этим покончить.

Глава 17

Моя кожа сияет. Этот крем и правда делает ее особенной – словно заковывает в броню роскоши. Помимо блеска на мне черное платье с открытыми плечами и классические лодочки на шпильке. Волосы собраны в высокий хвост, макияж – достаточно броский. Девчонки, с которыми мы приехали, одеты с иголочки. Все сплошь звездочки – веселые, яркие, легкие.

Наира танцует с клиентом, обнимает его за шею, воркует на ухо. Я держу в руке бокал с водой и льдом, наблюдаю за происходящим. Выводы с прошлого раза сделала: больше никакого алкоголя на работе. Даже бокал шампанского – зло, он усложнит и без того дурную ситуацию.

Едва задумываюсь, тут же слышу голос Адель: «Артём попросил девочку, получил». Распахиваю ресницы и делаю глоток воды. Ловлю ртом кубик льда, посасываю. Холод воздействует на рецепторы, меня пробивает дрожью.

В груди по ощущениям – дыра зияет. Вокруг все улыбаются.

Не думать. Не переживать. Веселиться и зарабатывать!

Твоя любовь – деньги, Галина. Другая любовь – это не про проституцию.

Мы в большом загородном доме, который немецкие спортсмены сняли для релакса. Тут лесок рядом, баня, водка

лется рекой, даже настоящий живой мишка имеется в клетке на улице. В общем, романтика. И девочки. Конечно, тут наши девочки на любой вкус. Мужчины взрослые, от тридцати и старше. Это какая-то любительская команда, я, если честно, не очень разбираюсь. Денег у них – море. Сегодня парни натянули наших, теперь горланят песни, отмечают, радуются. И будут натягивать нас, в продолжение.

Девчонок пятеро, их – целая дюжина. Мы ехали сюда в микроавтобусе больше двух часов, и уже час веселимся в гостинной. Я плохо знаю немецкий, английский же у них пьяный, быстрый, но общий смысл и желания, разумеется, уловить несложно.

Ладони касаются талии – оборачиваюсь и улыбаюсь. Мужчина сразу распускает руки: мнет бедра, ягодицы. Я игриво смеюсь, заставляя себя не отталкивать. Он выше меня, больше. Шепчет комплименты на ухо. Наклоняется и целует шею. Закрываю глаза и думаю о том, сколько осталось времени.

Через несколько часов я сяду в микроавтобус и буду наблюдать за тем, как прекрасен лес в утреннем свете. Открою форточку и буду вдыхать девственную свежесть хвои. Потом приму душ и включу сериал. Сделаю бутерброд с арахисовой пастой.

Я очень люблю арахисовую пасту, но покупаю редко. Раза два за все время позволила себе. Это будет... как бы приз. Наверное.

Меня обнимают в четыре руки. И хвалят, хвалят, хвалят.

Столько комплиментов и нежных слов в жизни не слышала. Скоро я буду ехать по лесу и стараться разглядеть в траве ежеиков. Пока нас везли сюда, я, кажется, углядела лисичку.

Алкоголь льется рекой, музыка грохочет. Танцы, улыбки, громкий смех. Мы с Наирой переводим шутки клиентов коллегам, которые не говорят по-английски.

– Прекрасная, горячая девочка! – слышу снова и снова.

У Истомина бы язык отсох столько хвалить. Эта мысль кажется достаточно смешной, и мой хохот почти искренний.

Сегодня я – медуза. Красивая, яркая. У медуз нет сердца.

– Идем, – слышу.

Киваю. Пора.

Коридор, лестница на второй этаж. Комната.

– По очереди. Не вместе, – звучит мой собственный голос сначала на английском, затем на немецком.

Нехотя соглашаются.

– Душ, – прошу я. – Пожалуйста, сначала душ.

Один из мужчин уходит мыться. Значит, начнем с него.

Леденящее спокойствие в душе пугает меня саму. Внутри пустота, тишина, шелест листьев. Я думаю о том, что лисичка, которая мелькнула меж веток, наверное, сейчас на охоте. Воображаю, как она бежит по лесу, подкрадывается к добыче.

Кажется, я вижу ее глазами, пока меня целуют, трогают и раздевают. На лице приветливая маска. В душе нет ничего.

Пусто-та.

Сердце не бьется. Его нет. Медузам оно без надобности.

– Гала, Гала, ай лав ю, – восхищенный шепот.

Дверь открывается, выходит клиент в одном полотенце.

– Скоро приду, – обещает первый по-немецки и уходит в ванную.

Второй же подходит ко мне. Возвышается. Развязывает полотенце. Дрожит от нетерпения. Зовет почему-то сибирской красавицей.

Давай. Сделай это. Ты не неженка, ты, мать твою, красавица!

Тянусь рукой и касаюсь его. Тут же отшатываюсь. Секс – это предательство и унижение. Перед глазами всплывает первый половой акт, который я видела в жизни. И вновь волна неконтролируемого ужаса, как это было с Динаром.

Сердце появляется внезапно и колотится как бешеное. Медуза к такому не готова. Я начинаю задыхаться.

– Извини, – шепчу по-английски. – Извини, ты красивый, мне нужна минута.

– Гала?!

– Одна минута.

Подскакиваю на ноги. Ванная занята, там второй спортсмен и тоже, бесспорно, с членом! Волосы дыбом от ужаса. Я вылетаю из комнаты на своих каблуках и бегу в сторону общего санузла. В гостиной по-прежнему музыка орет, свет совсем выключили, не знаю, есть ли там кто-то или все по ком-

натам...

– Галя? – окликает меня Наира, которая как раз поднимается по лестнице. – Всё в порядке?

– Нет. Не в порядке.

Я спешу в ванную комнату, Наира следом. Запирает за собой двери и обхватывает мои плечи.

– Что случилось? Дыши. Аля, дыши!

– Я не могу. Наира, их много, они пьяные в стельку! Я не могу так.

– Стоп. Остынь. – Она обнимает меня крепко.

На миг становится легче.

– Мы кто? Красивые, легкие, неземные.

– Бессердечные медузы.

– Да! Взяла, сделала свое дело, освободилась. Всё.

– Я хочу уехать. Ты говорила, я могу отказаться в любой момент.

Пауза в два удара сердца.

– Конечно же можешь, милая. Но послушай, у тебя же получилось с первым? Он был каким-то особенно нежным?

– Он совсем не был нежным.

Зажмуриваюсь и вспоминаю, как Артём развалился в кресле. Как смотрел на меня и как жарко стало вдруг от его голода. Как я сама подошла. Как танцевала на нем. Мы целовались, я... хотела близости.

Сейчас я хочу исчезнуть.

– Ну вот.

– У меня ощущение, что я сама позволяю себя изнасиловать.

– Ты пила?

– Нет и не буду.

– Блин. – Наира оглядывается. – Можешь, конечно, отсидеться в туалете, дверь никто ломать не станет, но девочек подведешь. И ничего не заработаешь. Просто трата времени.

Возникает острое чувство вины.

– Я не хочу никого подводить, мне жаль, что взяла на себя так много. Свою долю отдам не раздумывая.

– У меня кое-что есть.

Наира открывает крошечную сумочку-кошелек и достает блистер. Вкладывает в мою ладонь две таблетки.

– Наркотики? – слышу свой голос.

– Обезбол для души. Злоупотреблять не надо, но иногда, чтобы отключиться, самое то. Потом путем и не вспомнишь, что было. А они и правда бухие, не поймут, что ты под кайфом.

Я сжимаю ладонь. Бах-бах-бах. Наира смотрит в глаза.

Алина, что ты делаешь?

Что ты, мать твою, делаешь?!

– Пойдем вместе. Осталось несколько часов, и мы поедем ко мне. Завалимся спать, утром позавтракаем в каком-нибудь очень красивом месте. Аля, это просто секс. Они нормальные парни. Ты будешь жалеть, если откажешься от денег.

Сжимаю таблетки крепче.

– Я надеялась до последнего, что Артём позвонит снова.

– Все-таки влюбилась? Бедная моя. Ты с ним кончала?

Скажи честно.

Мешкаю. Спотыкаюсь на ответе.

– Д-да.

– Ясно. У меня тоже иногда бывают чувства, а иногда я кончаю, как из пулемета. Но это день такой, настроение или же, наоборот, слишком много негативных эмоций, вот они и выражаются. Артём не позвонит, а красавчик с кудряшками тебя ждет прямо сейчас.

Я молчу, обдумываю.

– О былом лучше забыть. Сейчас самое время. Артём один из. Не единственный. Не заслужил такие привилегии. Он ничего для тебя не сделал, ты ему ничего не должна.

Киваю.

Мы вновь крепко обнимаемся.

– Все они гады. Просто некоторые из них – платежеспособные. Пошли, отлично проведем время, и домой баиньки. – Наира проглатывает свои таблетки и улыбается.

– Эм. Попробую пока без них.

Пульс на максимум, он долбит в ушах. Слабость перед неизбежным появляется внезапно, я иду так медленно, словно не ела неделю. Тело сжимается. Я вновь тринадцатилетняя девочка, которая презирает близость.

Пытаюсь думать об Артёме и как-то собраться, но тут же

чувствую обиду и боль. Снова мимо! Никак не могу найти якорь, за который зацепиться. Меня несет на эмоциях. Несет в пропасть.

Мы заходим в комнату, нам аплодируют, приветствуют. Я понимаю, что или Галя принимает таблетки, или Алину вырвет прямо сейчас.

Прошу еще минуточку и вылетаю из комнаты.

Злюсь на себя. Злюсь, злюсь! Обещала, настроилась – откуда эта нежность?! Я никогда не чувствовала себя особенной и уникальной, всегда много и усердно работала, училась, катастрофически часто терпела неудачи.

Я нищая, у меня нет ничего. Вера и Соня правы: чудачка. Замуж в общине не возьмут, не чистая. Это мой единственный шанс выбиться в люди!

Пока иду по коридору, случайно заглядываю в приоткрытую дверь, там двое в процессе. Мужчина смотрит на меня и улыбается. Зовет присоединиться. Моя психика дает сбой.

Напоминаю себе: мы не в общине! Тут точно нет никого из моих родственников! Галя, угомонись!

Трясет так, что я роняю стакан на кухне. Тот падает и разбивается. Убираю быстро. Таблетки так и держу в руке, уже спазм от напряжения.

Включаем логику. Ничего страшного не происходит, но и игнорировать реакцию своего тела я тоже не могу. Достая сотовый и звоню Адель.

– Зайчик, что случилось? – выпаливает она.

– Ты говорила, что я могу отказаться. Я не хочу сегодня. Можно меня забрать?

– Эм. Забрать? Ты в лесу, малыш. Кто тебя заберет, злой медведь? Водитель приедет утром.

Адель называет сумму, которую я уже получила.

– Это для меня слишком. Лучше уж с Ричардом годами.

– Ричард не вечен, и не ты одна хотела бы с ним ужинать.

Руки дрожат.

– Понимаю.

– Детка, соберись. Ты умница моя, ты сможешь сделать этот вечер незабываемым. А... что происходит? Погоди, малыш, меня тут отвлекают. – Дальше Ади тараторит: – Все будет хорошо, думай об учебе. Целую.

Она сбрасывает вызов.

Паника. Я сажусь на корточки и закрываю уши, пытаюсь дышать. Раньше, когда мне было грустно, я всегда хотела домой, к маме на колени. Сейчас не знаю, куда я хочу. Не к маме точно, она меня сбросит немедленно. Наверное, самое теплое и родное, что у меня есть в жизни, – это раскладушка в общежитии.

Смотрю на наркотики. Даже траву не курила, а тут сразу... Возможно, так правильно. Что заслужила, то и получай. Шлюха.

Я беру сотовый и отправляю голосовое сообщение: «Прости, Адель, я тебя подвела. Но мне слишком страшно. Если можешь, пришли за мной машину, пожалуйста».

Такси сюда вызывать нельзя, это частная территория.

Следующий час я прячусь в одной из ванных комнат. Когда телефон вибрирует, едва не вскрикиваю.

Надпись: «Адель».

– Да?!

– Зайчик, ты все еще хочешь уехать?

– Да! Очень!

– Ладно. Это моя вина, ты еще малыш совсем, и сразу так много всего.

– Ты тут ни при чем, я сама говорила, что готова.

– Мало ли что ты говорила. Кто здесь старше и мудрее? Короче, прямо сейчас дорабатывай, если в процессе, а потом беги в душ пулей. Он уже подъезжает.

Взрыв в груди. Я прижимаю к ней руку.

– Кто? Злой медведь?

Адель низко хохочет.

– Клиент! Заберет тебя. Веди себя как умница, ладно?

– Что за клиент?

– Истомин.

Округляю глаза. Как эти качели пережить, уму непостижимо!

– Как?! Я не понимаю!

– Ему нужна спутница на ряд мероприятий, я уговорила снова взять тебя. Только, пожалуйста, не подведи хоть в этот раз.

– Ни за что!

– Побольше молчи и слушайся во всем. Не отказывай.

– Не буду! Что угодно, только не то, что сейчас тут творится!

Она вновь смеется.

– У тебя минуты три, он уже проехал пост охраны.

Три?! Этот душный чистюля уже в трех минутах?! Пот прошибает. Я вскакиваю на ноги, мельком отмечая, как они затекли. Стягиваю платье, и в душ. Вода ледяная, но не жду, пока нагреется. Ополаскиваюсь, одеваюсь. Запихиваю ноги в туфли.

В голове колотится: «Он все-таки приехал за мной! Неизвестно куда, за столько километров!» Об остальном подумаю позже. Рядом с Артёмом безопасно. Жутко, но при этом надежно. Какой бред в моей голове! Мысли максимально не структурированы.

В доме уже полный треш. Кого-то тошнит, кто-то кричит. Ужас. Я бегом поднимаюсь на второй этаж: нужно найти подругу и позвать с собой. Истомин та еще скотина, но почему-то верится, что в лесу ночью девушек не бросит. Все же он... отстоял садик детишкам!

Наиры нигде нет. Я вламываюсь в комнаты, едва успевая отворачиваться. Да где же ты, родная?!

Наконец, нахожу ее в ванне. Застываю, душа сжимается и плачет. Подруге явно дурно. Она сидит на корточках, обхватив колени.

– Моя хорошая, ты как? Тебя обидели?

Помогаю ей выбраться, кутаю в полотенце. Вытираю, обнимаю. Наира не в адеквате, глаза красные. Ужасная! Ужасная вечеринка!

– Пусть свои деньги засунут себе в одно место, уроды. Мы сейчас же уходим, – говорю я решительно. – Пьяные нелюди!

Застегиваю на Наире платье, снова обнимаю, целую и причитаю, хвалю ее, глажу.

– Всё, идем быстрее. Скоро станет легче.

– Мне плохо, Аля. Мне так плохо.

– Уже всё позади. Я тут, и я тебя не брошу. Прорвемся.

Веду подругу к выходу. Сотовый в кармане вибрирует: наверное, Адель торопит. Надо поспешить, Истомин капризный, ждать не станет. Еще психанет и уедет.

Но, едва мы делаем несколько шагов, дверь распахивается. Там тот самый парень, которого я кинула с товарищем голым в номере. Судя по выражению лица, он меня не забыл. А еще – изрядно выпил.

– Гала! Попалась! – с восторгом кричит по-немецки. – Я тебя искал!

– Ей плохо, нам нужно вниз. Пропустите, пожалуйста.

Мой английский в этот раз плох. Парень не понимает. Я вновь объясняю ситуацию, но слышу лишь:

– Нет. Гала-Гала, красивая моя! Больше не сбежишь! Я платил. Ты моя.

В этот момент до меня доходит: всё он понимает. Но ему по-фигу. Мы купленные вещи, просто шлюхи. Мы ведь

не спрашиваем стиральную машинку, настроена ли она сегодня поработать? Подходим и пихаем в нее нужное.

Мужчина перегораживает дорогу и наступает. Сотовый опять вибрирует.

А мне так больно, что Артём ждет внизу! Что он позвонил. А я... немного не дождалась и поехала!

Глава 18

Как-то я читала статью об оргиях и запомнила пару советов. Один из них: никогда не ходите на тусовки, где пьют и занимаются сексом. Либо первое, либо второе. Иначе опасно.

Оцепенение, паника. Бежать или сражаться? Я не могу бросить Наиру, а та еле идет. Начинаю просить, требовать.

Мужчина отталкивает Наиру и хватает меня. Прижимает к стене. От ужаса пошевелиться не получается. Так нельзя с девушками! Даже за деньги нельзя! Ни с кем нельзя! Ни с кем! Я кричу и отворачиваюсь.

Он злится.

Следом вздрагивает и отбегает в сторону, ругается, хватаясь за голову.

– Она же сказала, чтобы ты отвалил! – кричит Наира, держа в руках металлический ершик. – Не трогай ее!

Секунду мы смотрим друг на друга, затем срываемся и бежим!

– Артём приехал за мной, – говорю я, запыхавшись.

Слова звучат странно, согласна. Как такое вообще возможно? И тем не менее он меня, получается, перекупил?

– Внизу ждет. Я с ним.

Сотовый разрывается.

– Идем сюда. – Наира громко стучится в одну из дверей.

Открывает мужчина, который почти сразу после танцев пошел к себе и ни в чем не участвовал. Заявил, что у него видеосвидание с женой.

Наира рассказывает, что произошло, жалуется. Он ругается на матерном английском:

– Сейчас я его прибью!

– Поехали со мной, – прошу я. – Пожалуйста. Не оставайся здесь. Они бухие.

– Мне уже лучше, это... неважно. Все будет хорошо, Аля. – Наира смотрит в глаза. – Я все улажу. Если Адель не против, поезжай. Я дождусь нашу машину.

Качаю головой. Дело в деньгах, да. Я сама потратила часть на одежду, нужно вернуть, а значит, залезть в записку. Работа, которая в минус.

– Марко его уgomонит и накажет, и все станет нормально, – продолжает нести какую-то чушь подруга.

– Это ненормально.

– Поезжай, только смотри, не втрескайся еще больше.

– Ни за что!

Мы обнимаемся, после чего я спешу вниз. Сотовый вновь звонит, теперь я принимаю вызов.

– Адель?

– Галя, наконец-то!

– Тут кое-что случилось...

– Потом расскажешь, клиент ждет. Черный порш, номера питерские, заметные. Истомин сам расскажет тебе условия.

Если согласишься, деньги можешь не возвращать.

Ого! Я спешу так, что чуть не падаю, запнувшись. Ади молчит пару секунд. Мне уже кажется, что мы закончили, но она вдруг проговаривает задумчиво и как-то мрачно:

– Но я бы на твоём месте выбрала спортсменов.

Становится жутковато: Адель никогда не говорила со мной таким тоном. Вновь окликают мужчины, и я сосредотачиваюсь на побеге. Да сколько же их в этом доме?!

В конце концов, улица. Вдыхаю свежесть и спешу к машине, что светит фарами метрах в двадцати.

Только когда серый силуэт водителя приобретает очертания, до меня окончательно доходит, что это действительно он. Артём Иванович Истомин. Вечно раздраженный спасатель садилов.

Шаг сам собой замедляется.

– Гала! Гала, стой, ты куда, малышка? – несется вслед на немецком.

Оборачиваюсь вновь в ужасе.

У порше вспыхивают фары, ослепляя тех, то идет в мою сторону.

Я сама щурюсь, подходя к водительской двери. Дрожу от нервного напряжения.

Стекло опускается. Артём. Он самый, как запомнила. Смотрит на меня, чуть прищурившись. Постороннего человека этот взгляд мог бы изрядно смутить, но я-то уже в курсе, что Артём Иванович демонстративно на «вы» со всем ми-

ром, поэтому слегка улыбаюсь.

Сердце колотится, я ж бежала! Щеки пылают. Каблуки увязли в щелях между плиткой. Аккуратно их вытаскиваю.

– Привет! – говорю нервно-весело. – Как дела?

Артём окидывает меня беглым взглядом.

– Если ты хоть кому-нибудь из них, – указывает за мою спину, – успела отсосать, то по-человечески прошу, возвращайся обратно.

Сморит в упор. О боже.

– Нет, не успела, – выпаливаю. – Я... если честно, пряталась в ванной. Вряд ли мне за это заплатят. – Запинаюсь. – Интересно, есть ли у проституток штрафы?

Он чуть приоткрывает рот, вникая в мой ответ. Размышляет. Адель велела поменьше болтать, я спохватываюсь и стискиваю зубы. Добавляю:

– Клянусь жизнью и здоровьем!

Артём кивает, дескать, садись. Сам же выходит и идет навстречу хозяйевам вечеринки.

Дважды приглашать не приходится! Оббегаю машину, открываю дверь и жду. Артём общается меньше минуты, после чего мужчины расходятся в разные стороны. Истомин возвращается в машину.

А я... разжимаю пальцы и выкидываю таблетки. Они больше не нужны.

Забираюсь на заднее сиденье. Прежде чем захлопнуть дверь, тщательно отряхиваю туфли от налипшей земли.

– Ты под кайфом? – спрашивает Артём сдержанно.

Впервые в жизни меня спрашивают о подобном, тем более будничным тоном. Этот мусорный образ жизни становится нормой, да?

– Нет.

– Посмотри на меня.

Подчиняюсь. Он включает лампочку и вглядывается в мои зрачки. Его серо-зеленые глаза в этом освещении болотного цвета. Я понимаю, что Артём бы вышвырнул меня обратно, ни секунды не мешкая.

– Я не под кайфом. Не наркоманка.

А еще я не хочу ни секунды забывать из того, что будет этой ночью. Хочу помнить каждый твой взгляд, каждое твое слово, каждое... движение. Не видишь этого в моих глазах? Я так к тебе бежала!

Он прищуривается, потом выключает свет и роняет:

– Хорошо. Когда ты под кайфом, я должен знать.

Опять смотрит в упор. Мрачно изучает, словно понять пытается, стою ли я затраченных усилий.

Я же... впервые вижу его за рулем, впервые сижу в его машине. Впервые снова дышу со звонка от Адель, когда та сообщила, что Артём попросил другую девочку.

Но признаваться в этом не собираюсь, разумеется. Это было бы слишком унижительно.

– От меня тоже будешь прятаться в ванной? – спрашивает он чуть насмешливо. Выжимает педаль газа, машина трогает

ется.

Я смачиваю пересохшие губы. Выпила бы воды, но спросить, если ли у него бутылка, не решаюсь.

– Адель предупредила, ты сам расскажешь, что тебе от меня нужно. У меня есть прайс и четкий список дозволенного, – произношу серьезно, уверенно.

Представить, что я буду вырываться и плакать, а Артём силой лезть – не выходит. Но... я его знаю плохо, и лучше обговорить на берегу допустимое. Больше в такой ужас я не сунусь.

– Давай сразу всё обсудим, – предлагаю.

Артём снижает скорость и врубает поворотник. Мы только-только выехали за территорию коттеджного поселка.

– Нет-нет, ты рассказывай и дави на газ, – быстро уговариваю я. – Не нужно останавливаться. Мы же в город?

– В город. Я подумал, вдруг ты захочешь выйти.

Вдох-выдох.

– Ты, главное, поезжай. А дальше видно будет.

Он хмыкает. Автомобиль вновь набирает скорость, мы летим по ночной трассе, пугая ежиков и лисичек.

– Галчонок, я собираюсь съездить в отпуск на пару недель и хочу взять тебя с собой. Собраться нужно шустро, рейс ночью. То есть на сборы у тебя... ну час. Как думаешь, успеешь?

Слезы на глаза выступают, я поспешно вытираю их. Разочарование просто непередаваемое!

– У меня нет загранпаспорта. – Поджигаю дрожащие губы. Две недели в отпуске с ним! Я бы хотела, наверное. – Только собиралась делать...

Артём недовольно цокает языком. Размышляет секунду. Уверенно держит руль, смотрит вперед. Я запоминаю профиль.

– Тогда Сочи.

Округляю глаза.

– Сочи да, туда не нужен загран.

– Точно. Умненькая девочка. По оплате я договорился с Адель. – Он как-то нажимает голосом, когда произносит имя Ади, но интонация непонятна. – Она должна была озвучить тебе сумму.

В голове всплывает фраза: «Деньги можешь не возвращать».

Торопливо киваю, согласившись. Там много, нормально.

– Перелет, гостиницу, питание и все остальное я, разумеется, беру на себя. С тебя... – Артём делает паузу, стрельнув в меня глазами. – Хорошее настроение. Если это возможно.

Еще раз киваю.

– Сопровождение. Подходящий ситуации внешний вид. Ну и секс. – Он вновь стреляет в меня глазами, в темном болоте эмоция.

Волоски дыбом. Была бы поглупее – решила бы, что он соскучился. Слегка улыбаюсь.

– Куда уж без него? Мы с тобой люди взрослые, – добав-

ляет Артём.

– Я понимаю. Согласна. Тебе все понравится, обещаю. Но если будут обстоятельства... в общем, в крайнем случае я смогу сказать «нет»?

– Разумеется.

Улыбаюсь шире:

– Договорились.

Повисает пауза. Артём включает негромкую музыку, что-то спокойное и расслабляющее, и я закрываю глаза. Он меня красавицей не зовет, не охает в восхищении. Молчит, хмурится. Какое счастье!

Наконец-то передышка. Я даже начинаю дремать, но просыпаюсь через несколько минут от собственной дрожи. Ощущение опасности выкидывает из сна, глаза мокрые. Я отворачиваюсь, чтобы Артём не заметил, и съезживаюсь. Ему нужна веселая девушка. Легкая! Уж точно не напуганная до смерти. Он откажется, и тогда никакого Сочи. Придется вернуть деньги. И снова работать. Я начинаю паниковать, потому что ни с чем не справляюсь!

Артём делает движение, будто хочет ударить, – сжимаюсь сильнее. В следующий момент на меня падает теплое одеяло. Ощупываю и, к своему удивлению, понимаю, что это пиджак. Его пиджак.

Окутывает знакомый запах туалетной воды. Я крепко зажмуриваюсь и греюсь в доброте. Дышу-дышу-дышу.

Артём Иванович укрыл меня своей одеждой. После всего

пережитого сегодня, на диком контрасте он кажется... почти святым.

Мы едем, и мне хочется, чтобы дорога не заканчивалась.

Глава 19

Я открываю глаза, вижу изумительную люстру и замираю. Осознаю, где нахожусь, что делаю. Медленный вдох-выдох. Прислушиваюсь.

Артём спит рядом. Мы под разными одеялами, но я чувствую тепло его тела. Слышу размеренное дыхание. Немного дрожу.

Его будильник заведен на семь, но еще не звучал, значит, совсем рано. Шторы задернуты неплотно, утренний свет меня и разбудил. Но это хорошо, есть время подумать.

Вчерашний день, как шлюха, я завалила полностью. Подвела Адель, сбежала от клиентов, одного мы с Наирой побили. Ужас. Он, конечно, вел себя недопустимо, но и я хороша: бросила двух гетеро парней голыми в комнате. Так себе шуточка.

Знала ведь, куда еду и зачем. Заработать сотню за несколько часов – дело нелегкое. Мне нужно было подарить мужчинам новые ощущения, радостно позволить отыметь «сибирскую», как они выразались, красавицу. Им было бы потом что рассказать дома друзьям по пьяни. Сначала «отымели» на футбольном поле наших парней, затем в спальне, без кавычек, – девчонок.

Так.

Простая математика, в которую при желании можно

не вчитываться, а сразу перейти к итогу. Это я для себя размышляю:

Адель одолжила мне под расписку пятьсот тысяч. За каждый выход я получаю оговоренную сумму. Сорок процентов забирает Ади, как менеджер. От оставшихся денег она берет еще половину в уплату Большого долга. На остаток я должна жить, готовить тело для работы, покупать белье и одежду. Разумеется, в планах экономить и откладывать, чтобы как можно скорее рассчитаться. У меня даже копилка есть: конверт с рисунком солнышка от Аси. Отложенные деньги я называю «Солнечный банк».

Итак, за меня и мой список дозволенного спортсмены заплатили двести тысяч. Адель забрала себе восемьдесят как организатор. Потом еще шестьдесят. Оставшиеся шестьдесят тысяч я получила в синем конверте, на двенадцать купила платье, лак для волос и помаду. Остальные не трогала.

Учитывая, что я не отработала, нужно вернуть Адель сто сорок тысяч. Это плюс к тем четырестам восьмидесяти, которые остались после свиданий с Ричардом. А у меня сорок восемь в синем конверте и пятьдесят в Солнечном банке.

Итог! Если я опустошу Солнечный банк, после прошлой ночи Большой долг не только не уменьшится – он вырастет до пятисот двадцати двух тысяч!

Обычно я не использую мат, он от дьявола. Если бы мама услышала, она бы горько расплакалась.

Но это, простите, пздц, друзья!

Если Артём купит меня на целый отпуск, можно не возвращать эти сто сорок. И Большой долг уменьшится на шестьдесят. Солнечный банк при этом не пострадает.

Артём Истомин.

Вчера я при нем расплакалась. Кошусь на темно-русый затылок, кусаю губы и зажмуриваюсь. Заграна у меня не было. Вещи в поездку собрать тоже не смогла: в общагу раньше шести не проскользнуть. Я была так напугана, что не оценила, как сильно Артём был разочарован. Наверное, весьма.

Привез меня в уже знакомые апартаменты. Я отпарила себя в кипятке под душем, отдраила как следует и юркнула под одеяло. Он не трогал. Не захотел. Отвернулся и уснул.

Пульс вновь учащается, руки начинают дрожать. У меня тремор, как у старушки, с этой работой! Артём проснется и отправит меня домой. На такси – это еще минус из Солнечного банка. В этом платье в метро не пойдешь, а спортивная одежда в микроавтобусе Адель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.